

В.И. Шишкин

**КОМАНДУЮЩИЙ СИБИРСКОЙ АРМИЕЙ
А.Н. ГРИШИН-АЛМАЗОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ**

В первой половине июня 1918 г. на антибольшевистском небосклоне восточной России стремительно взошла звезда дотоле малоизвестного тридцатисемилетнего штаб-офицера — артиллерийского подполковника Алексея Николаевича Гришина-Алмазова. Достаточно сказать, что в середине июня 1918 г., когда на большей части территории Западной Сибири была свергнута советская власть, человек по фамилии Гришин-Алмазов, вторая часть которой была его подпольной кличкой, занял две главные военные должности. Их названия в дальнейшем менялись, но реально они соответствовали постам командующего вооруженными силами и главы военного ведомства Временного Сибирского правительства.

Именно во время пребывания Гришина на указанных должностях была решена главная на то время задача, которая стояла перед антибольшевистскими силами Сибири: на всей территории края удалось ликвидировать советы, полностью очистить ее от остатков Красной армии и на огромной пространстве от Челябинска на западе до Читы на востоке установить власть Временного Сибирского правительства. Можно утверждать, что вклад Гришина в достижение этой цели был, безусловно, немалый. Совет министров Временного Сибирского правительства не погрешил против истины, когда своим указом от 10 июля 1918 г. произвел его в генерал-майоры «в воздаяние военных заслуг»¹. Но менее чем через три месяца тот же Совет министров неожиданно уволил Гришина с обеих должностей, вскоре после чего генерал покинул Сибирь.

Биография Гришина, однако, вызывает интерес не только по причинам сугубо личного характера: его необычным карьерным взлетом и еще более странным падением. В период революции и гражданской войны в России такие метаморфозы случались не с ним одним.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 41, л. 7; Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). / Сб. док. и материалов. Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 702.

Гораздо важнее то обстоятельство, что на протяжении четырех месяцев Гришин входил в высший эшелон руководителей сибирской контрреволюции. Тем самым изучение его взглядов, поведения и взаимоотношений с другими лидерами антибольшевизма открывает возможности лучше понять характер и состояние контрреволюционного лагеря, трудности, с которыми он столкнулся, точнее оценить пути и средства, которыми противники большевиков решали эти проблемы.

Между тем имеющиеся о Гришине публикации носят в основном малоформатный справочно-биографический характер. К тому же в них, особенно в последней по времени выхода в свет статье М. Ивлева, допущены многочисленные фактические ошибки². Единственной попыткой выяснить политические взгляды Гришина летом 1918 г. стала публикация А.С. Кручинина³. Но ее едва ли можно признать плодотворной по причине узости источниковой базы, которой оперировал автор, и гипотетического характера высказанных им суждений. Восполнить имеющийся историографический пробел — так в самом общем виде можно сформулировать задачу, которую поставил перед собой автор предлагаемой статьи.

* * *

Довольно хорошо знавший Гришина по совместной работе в Западно-Сибирском комиссариате и в Совете министров Временного Сибирского правительства Г.К. Гинс в 1921 г. оставил о нем такой словесный «портрет»: «[...] Гришин-Алмазов, еще совсем молодой человек, ушедший с войны в чине подполковника, отличался ясностью ума, точностью и краткостью слога. Он отлично говорил, без цветистости и пафоса, но с темпераментом и убедительностью. Доклады его в Совете министров были всегда удачны. С его стороны не проявлялось упрямства и своеволия, он был лоялен к власти, но не скрывал,

---

² *Вибе П.А.* Гришин-Алмазов Алексей Николаевич // *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 66–67; *Ларьков Н.С.* Военный министр белой Сибири // *Сибирская старина.* Томск, 1994. № 8. С. 29–31; Он же. Гришин-Алмазов Алексей Николаевич // *История «белой» Сибири в лицах. Биографический справочник.* СПб., 1996. С. 15–17; *Клавинг В.В.* Белая гвардия. СПб., 1999. С. 254–255; *Ивлев М.* Зигзаги генеральской судьбы // *Простор (Алматы).* 2003. № 5; *Симонов Д.Г.* Гришин-Алмазов Алексей Николаевич // *Сибирская историческая энциклопедия.* Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 436–437.

³ *Кручинин А.С.* Политические взгляды генерала А.Н. Гришина-Алмазова: лицо или маска // *История белой Сибири. Материалы 6-й международной научной конференции (7–8 февраля 2005 года).* Кемерово, 2005. С.102–104.

что, представляя реальную силу, он требует, чтобы с ним считались. Его тенденции были очень определены. Он стремился к созданию всероссийского правительства, но [к] сохранению сибирской армии. Его симпатии были на стороне единовластия, но он считал тактически несвоевременным останавливаться на этой форме власти. Я не знал в Омске военного, который бы годился больше, чем Гришин, для управления военным министерством в демократическом кабинете.

Недостатком Гришина была его самоуверенность. Он был убежден в неспособности всех прочих конкурировать с его влиянием и значением в военных кругах. Он игнорировал министров Сибирского правительства, забывая, что это может вооружить их против него, и действительно нашил себе врагов [...]. Все это проистекало исключительно из-за молодой самовлюбленности генерала, не интересовавшегося тем, как к нему относятся окружающие»⁴.

Эта лапидарная, но емкая характеристика, данная наблюдательным и глубоким человеком, конечно, очень важна для понимания феномена Гришина. Но, как и все свидетельства современников (тем более такого пристрастного, каким был Г.К. Гинс), она, безусловно, нуждается в проверке на фактическую достоверность, в конкретизации и в дополнении теми чертами и признаками, которые по разным причинам не нашли своего отражения. К тому же эта характеристика дана хоть как и итоговый, но одномоментный срез, без достаточно учета того важного обстоятельства, что Гришин, будучи первоначально не очень сведущим в политике человеком, развивался, а его взгляды и поведение не оставались неизменными. Еще один вопрос, нуждающийся в изучении, заключается в выявлении того, под влиянием каких факторов и почему взгляды Алексея Николаевича за лето 1918 г. претерпели изменения.

Судя по всему, в Западной Сибири, точнее — в Новониколаевске, Гришин вместе с женой появился в конце зимы — начале весны 1918 г. Здесь они сняли небольшую комнату в доме № 56 по Болдыревской улице. Выбор Гришиным нового места жительства был обусловлен, скорее всего, чисто прагматическими причинами: с Сибирью и сибирскими формированиями во многом была связана его предшествующая служба. Во всяком случае, его хорошо помнили сослуживцы по 10-й Сибирской артиллерийской бригаде. В Новониколаевске Алексей Николаевич быстро нашел контакты с противниками большевиков и всту-

---

⁴ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С.148–149.

пил в подпольную военную организацию. Офицер-фронтовик, в 1917 г. удостоенный за личную храбрость ордена Св. Георгия IV степени и имевший опыт штабной работы, уже сидевший в большевистской тюрьме и бежавший из нее, он сразу же стал в подполье заметной фигурой. Довольно скоро на Гришина обратил внимание прапорщик В.А. Смарен-Завинский (подпольные клички — Иванов, Сажин). Последний являлся уполномоченным военного министра Временного Сибирского правительства А.А. Краковецкого, находившегося в то время в Харбине. Временное Сибирское правительство было образовано в конце января 1918 г. в Томске Сибирской областной думой и являлось преимущественно эсеровским по своему партийному составу.

А.А. Краковецкий возложил на В.А. Смарен-Завинского задачу по организации и руководству антибольшевистским вооруженным подпольем в Западной и Средней Сибири. Бывший политический ссыльный, а затем иркутский журналист В.А. Смарен-Завинский, получивший офицерское звание в период Мировой войны и никогда не нюхавший пороха, плохо подходил на эту роль. Важно, однако, было другое: он быстро это понял. В апреле 1918 г. В.А. Смарен-Завинский предложил Гришину занять должность начальника главного штаба вооруженных подпольных организаций, формировавшихся под эгидой Временного Сибирского правительства.

На такой выбор В.А. Смарен-Завинского могли повлиять и циркулировавшие слухи о том, что Гришин состоял в партии эсеров и одно время даже сотрудничал в левозэеровской газете⁵, следовательно, являлся социалистом если не по своим идейным воззрениям, то, во всяком случае, по политическим взглядам. Сам же Гришин причины своего согласия сотрудничать с эсеровским Временным Сибирским правительством восемь месяцев спустя объяснял так: «[...] Задался целью создать военную силу из офицеров, затем при ней учредить власть, но задача эта оказалась невыполнимой вследствие полной невозможности найти общий для офицерства политический лозунг. Пришлось поэтому сойтись на поддержании самой идеи власти, хотя бы данное ее содержание и представлялось неприемлемым»⁶.

После вскоре последовавшего отъезда В.А. Смарен-Завинского на восток Гришин автоматически стал руководителем той части анти-

---

⁵ ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 1, л. 20; *Кроль Л.А.* За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С.63; *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. С. 69.

⁶ Русское прошлое (СПб.). 1992. № 3: Парижский выпуск. Архивы эмиграции. С. 141.

большевистского вооруженного подполья Западной и Средней Сибири, которая состояла в основном из эсеров, «левой» части областников и их сторонников. На посланца Добровольческой армии в Сибири генерала от инфантерии В.Е. Флуга, в конце апреля — начале мая 1918 г. неоднократно встречавшегося с Гришиным в Томске, последний произвел благоприятное впечатление. По мнению генерала, он оказался «лицом, обладающим здравыми военными понятиями»⁷.

Работать в подполье Гришину пришлось под руководством уполномоченных Временного Сибирского правительства М.Я. Линдберга, Б.Д. Маркова, П.Я. Михайлова (подпольные клички — Ахмет, Ахметов, Сабир) и В.О. Сидорова, составлявших Западно-Сибирский комиссариат. Все они были известными эсерами, причем первые трое — профессиональными революционерами. В годы Мировой войны они стояли на интернационалистических позициях, а с конца 1917 г. считали себя максималистами. М.Я. Линдберг, Б.Д. Марков и П.Я. Михайлов являлись депутатами Всероссийского Учредительного собрания, а В.О. Сидоров до прихода к власти большевиков служил председателем Томской уездной управы⁸.

Из членов Западно-Сибирского комиссариата Гришин наиболее плотно взаимодействовал с П.Я. Михайловым. Павел Яковлевич был почти на десять лет моложе Гришина. Можно сказать, что до встречи в томском подполье их жизненные пути были прямо противоположными: если Гришин посвятил себя служению родине и государю, то П.Я. Михайлов в 1905 г. в шестнадцатилетнем возрасте связал свою жизнь с партией эсеров и активно боролся против царского режима. Он входил в состав Сибирской боевой летучки и принимал участие в террористических актах, за что неоднократно подвергался арестам властей, отбывал каторгу, дважды ссылался в Якутию.

После Февральской революции П.Я. Михайлов активно участвовал в легальной политической и общественной работе, стал одним из лидеров эсеров Томской губернии. Занимая скромный пост секретаря Томской губернской управы и будучи всего лишь вольнослушателем медицинского факультета Томского университета, он, тем не менее, за свою революционную деятельность и перенесенные репрессии пользовался колоссальной популярностью у местных рабочих и у эсеров-

---

⁷ РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 130, лл. 1–2; Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. Берлин. 1923. Т. IX. С. 257.

⁸ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая — 30 июня 1918 г.). Сб. док. и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005. С. 56–57, 176–177, 179–180, 184–185, 187.

ски настроенной студенческой молодежи, а также у работавших вместе с ним в антибольшевистском подполье младших офицеров. 8 января 1918 г., т. е. через день после разгона Всероссийского Учредительного собрания, П.Я. Михайлов был арестован в Петрограде уже новой, рабоче-крестьянской властью и заключен в знаменитую тюрьму «Кресты», но вскоре освобожден, после чего немедленно включился в борьбу против большевистского режима⁹. Категорическое неприятие так называемой «диктатуры пролетариата» объединило в борьбе с ней кадрового офицера русской армии Гришина и бывшего политического каторжанина П.Я. Михайлова.

Важнейшей задачей Западно-Сибирского комиссариата и Гришина было объединение в основном стихийно возникших, имевших различный состав и политическую ориентацию антибольшевистских подпольных ячеек, групп и организаций и подчинение их Временному Сибирскому правительству. Вся эта работа велась при финансовом и организационном содействии со стороны мощной сибирской кооперации. Особенно активно помогал подпольщикам Союз сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», правление которого располагалось в Новониколаевске. Более того, входившие в руководство «Закупсбыта» правые эсеры Е.Н. Пославский и А.В. Сазонов (подпольная кличка — Дедушка) одновременно являлись уполномоченными Временного Сибирского правительства по Новониколаевску и его уезду.

Гришин и П.Я. Михайлов вели свою нелегальную работу под прикрытием «Закупсбыта», имея удостоверения его сотрудников. В мае 1918 г. они вместе с полковником Г.А. Виттенкопфом, работавшим в подполье под кличкой П.П. Белов, посетили Красноярск, являвшийся одним из важнейших центров сосредоточения антибольшевистских вооруженных сил. Им легко удалось подчинить себе насчитывавшую около шестисот человек красноярскую организацию и поставить во главе ее боевого офицера — бывшего командира бригады 15-й Сибирской стрелковой дивизии полковника В.П. Гулидова. Успех Гришина и П.Я. Михайлова во многом объяснялся поддержкой, оказанной им со стороны подпольного Енисейского губернского комиссариата Временного Сибирского правительства, председателем которого являлся видный общественный деятель и старый областник В.М. Крутовский,

---

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5871, оп. 1, д. 92, л. 6; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 56–57, 176–177, 179–180, 184–185, 187; *Шишкин В.И.* Михайлов Павел Яковлевич // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 374.

в 1917 г. служивший Енисейским губернским комиссаром Всероссийского Временного правительства¹⁰.

Намного сложнее развивались события в Омске. Здесь еще в апреле 1918 г. при содействии генерала В.Е. Флуга большинство вооруженных подпольных формирований, существовавших как в самом городе, так и в прилегающих к нему районах, а также в Петропавловске, было объединено под началом бывшего командира отдельной Сибирской казачьей бригады П.П. Иванова (работал в подполье под фамилией Ринов), имевшего большой военно-административный опыт. Эти боевые группы состояли в основном из бывших офицеров и казаков, отнюдь не благоволивших к социалистам. К тому же местная партийная организация эсеров не имела сколько-нибудь заметного влияния ни в офицерской, ни в казачьей среде. Показательно, что в Омске не существовало даже подпольного комиссариата Временного Сибирского правительства. Приезжавший в конце апреля 1918 г. в Омск В.А. Смарен-Завинский с задачей подчинения здешних подпольных формирований Временному Сибирскому правительству не справился. Более того, если верить В.Е. Флугу, местные военно-политические «верхи», состоявшие из казачьих офицеров и членов партии кадетов, с его санкции условились, что в случае свержения советской власти в Омске будет установлена военная диктатура П.П. Иванова-Ринова и даже наметили состав временного Омского правительства¹¹.

Тем не менее, Гришину и П.Я. Михайлову, посетившим в мае 1918 г. столицу бывшего Степного края, в ходе пятидневных переговоров удалось нейтрализовать созданную корниловцем В.Е. Флугом конструкцию будущей власти и найти общий язык с П.П. Ивановым-Риновым. Он признал Временное Сибирское правительство — но не персонально, а как идею — и обязался служить ему. В результате в

---

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 1, л. 59. В книге П.С. Доценко в освещении этого события допущены две крупные ошибки: посещение Красноярска Гришиным и П.Я. Михайловым датировано мартом 1918 г., а председателем подпольного губернского комиссариата назван он сам (см.: *Dotsenko P. The Struggle for Democracy in Siberia (1917–1920). Eyewitness Account of a Contemporary.* Stanford, 1983. P. 24).

¹¹ Отчет о командировке... С. 253–255. О том, что руководимая П.П. Ивановым-Риновым Омская военная организация была тесно связана с миссией В.Е. Флуга, свидетельствует доклад о работе посланцев Добровольческой армии в Томске и Красноярске. 12 мая 1918 г. этот доклад был направлен полковником В.А. Глухаревым в штаб Омской организации, который П.П. Иванов-Ринов от Западно-Сибирского комиссариата скрыл, но позднее случайно обнаружил П.Я. Михайлов (см.: ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 31, лл. 26–49).

Омске был создан штаб Временного Сибирского правительства, совмещавший в себе военные и гражданские функции. Ключевыми фигурами в этом штабе были три человека: П.П. Иванов-Ринов и уполномоченные Временного Сибирского правительства эсеры А.А. Кузнецов и Б.К. Ляхович. Судя по всему, главным аргументом, с помощью которого удалось убедить П.П. Иванова-Ринова признать Временное Сибирское правительство и войти в подчинение Гришина, стало обещание после прихода к власти назначить казачьего полковника командиром будущего Степного Сибирского корпуса¹².

Как ни парадоксально, особенно трудно шло объединение вооруженного подполья в Томске, где находились главные силы, на которые опиралось Временное Сибирское правительство: его уполномоченные, составлявшие Западно-Сибирский комиссариат, и Сибирский краевой комитет эсеров.

Здесь еще в конце 1917 г. по инициативе братьев А.А. и М.А. Кирилловых и Е. Эмана возникла монархическая офицерская организация, к началу апреля следующего года достигшая примерно двухсот пятидесяти человек. В начале января 1918 г. по инициативе офицеров 42-го Сибирского стрелкового полка подполковника А.Н. Пепеляева, капитана Н.Ф. Шнаппермана и поручика И.П. Жданова стала формироваться другая офицерская организация. В апреле 1918 г. ее численность, по разным оценкам, составляла от шестисот до тысячи человек. Она считалась беспартийной и видела спасение России в установлении единоличной власти. Во главе этой организации стоял штаб, а ее начальником являлся бывший фронтовик, артиллерийский полковник Н.Н. Сумароков, не скрывавший своих монархических взглядов. Кроме того, существовало несколько небольших отрядов, состоявших в основном из младших офицеров и учащейся молодежи и насчитывавших в общей сложности восемьсот — девятьсот человек. Они являлись эсеровско-областными по своей ориентации, финансировались и подчинялись Временному Сибирскому правительству. Возглавлял их полковник Е.К. Вишневецкий.

В апреле 1918 г. две первые томские организации фактически объединились. Однако попытки лично Гришина наладить с их руководством хотя бы элементарный контакт не встретили понимания. Видимо, главной причиной такого отношения была жесткая позиция Н.Н. Сумарокова, который резко отрицательно оценивал как состав

---

¹² ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 1, лл. 97–98; Дело Сибири (Омск). 1918. 11 июня; Омский вестник. 1918. 11 июня; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 86.

эсеровско-областнических формирований («занимались они больше тем, что доносили друг на друга в совдеп»), так и лично Гришина в качестве главного военного руководителя Временного Сибирского правительства («авантюрист, всецело преданный партии эсеров»).

Проблему частично удалось решить только после того, как в середине мая 1918 г. в Томск прибыл заместитель Гришина капитан Л.Д. Василенко (подпольная кличка — Соловьев). Действуя совместно с Е.К. Вишневым, он смог убедить штаб офицерской организации в необходимости совместного выступления против большевиков, обещая не входить в подчинение к эсерам¹³.

Организация вооруженного подполья была далека от своего завершения, когда Чехословацкий корпус поднял антисоветский мятеж. Днем 25 мая 1918 г. легионеры свергли советы в Мариинске, а в ночь на 26 мая — в Новониколаевске. Трое членов Западно-Сибирского комиссариата и Гришин, находившиеся в это время в Томске, стали срочно готовить вооруженное выступление. Но вечером 27 мая большевики арестовали в доме № 3 по улице Ярлыковской, где часто бывал Гришин, членов Западно-Сибирского комиссариата Б.Д. Маркова, П.Я. Михайлова и В.О. Сидорова, члена Всесибирского краевого комитета эсеров М.С. Фельдмана, а также почти все руководство томской эсеровской организации.

Угроза ареста нависла и над Гришиным. Его искали по фотографии. Гришин, немного изменив свою внешность и поменяв верхнюю одежду, был вынужден срочно покинуть Томск. На пароходе он выехал в Новониколаевск¹⁴. Рано утром 28 мая Гришин прибыл в Новониколаевск, где уже находился член Западно-Сибирского комиссариата М.Я. Линдберг и легально действовал в качестве местного органа Временного Сибирского правительства военно-революционный штаб, в который входили эсеры и социал-демократы меньшевики.

М.Я. Линдберг срочно издал приказ, в котором от имени военного министра Временного Сибирского правительства назначил Гришина, впервые официально названного полковником, командующим войсками Западно-Сибирского военного округа. В свою очередь Гришин немедленно издал приказ № 1 о вступлении в командование ок-

---

¹³ ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 12, лл. 14–15; РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 130, лл. 1–2; Кириллов А.А., *кап.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // *Вольная Сибирь*. Прага. 1928. Т. 4. С.36–37.

¹⁴ *Голос народа* (Томск). 1918. 2 июня и 18 июля; *Дело Сибири* (Омск). 1918. 18 июня; *Заря* (Омск). 1919. 20 июня. Его френч остался у капитана Лаптева, а шинель — у хорунжего Харчевского. Видимо, взамен оставленной им военной одежды эти же офицеры отдали Гришину свою гражданскую.

ругом. В приказе говорилось, что перед Сибирской добровольческой армией¹⁵ стоит «почетная задача освободить Сибирь от большевиков и передать эту власть Сибирскому Временному правительству, которое доведет нас до Всесибирского Учредительного собрания». Сибирская армия, заявил Гришин, будет построена «на началах твердой дисциплины», а все вставшие под знамена Временного Сибирского правительства будут «честно служить этому законному правительству Сибири» и их оружие «никогда не станет оружием классовой и партийной борьбы»¹⁶.

Важнейшей задачей М.Я. Линдберга стала организация исполнительного аппарата Западно-Сибирского комиссариата, а Гришина как командующего войсками округа — формирование вооруженных сил, органов военного управления и командование войсками. Вечером 30 мая М.Я. Линдберг произвел назначение руководителей нескольких отделов Западно-Сибирского комиссариата, в том числе военного. Его заведующим М.Я. Линдберг сделал Н.В. Фомина, а помощником последнего — М.Ф. Омелькова¹⁷. Н.В. Фомин и М.Ф. Омельков были видными эсерами, депутатами Всероссийского Учредительного собрания. Кроме того, Н.В. Фомин был известен как лидер эсеров Енисейской губернии и один из руководителей сибирской кооперации. С марта 1918 г. он являлся членом правления крупнейшей кооперативной организации — «Закупсбыта» — и заведующим его неторговым отделом. Но оба выдвигенца М.Я. Линдберга были гражданским людьми, абсолютно незнакомыми с военным делом.

В свою очередь Гришин сразу же приступил к формированию в Новониколаевске штаба Западно-Сибирского военного округа (Сибирской армии). Его начальником он назначил уже проверенного по совместной работе в подпольный период Генерального штаба полковника П.П. Белова¹⁸.

---

¹⁵ Даже в официальных документах возглавляемая Гришиным армия долгое время называлась по-разному: Сибирской, Западно-Сибирской отдельной, Отдельной Западно-Сибирской, Сибирской добровольческой. 27 июля 1918 г. Совет министров Временного Сибирского правительства постановил именовать ее Сибирской армией. В настоящей статье она в большинстве случаев называется Сибирской.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 12, л. 124; Бюллетень уполномоченных Временного Сибирского правительства № 1 (Новониколаевск). 1918. 29 мая; Голос народа. 1918. 2 июня.

¹⁷ Голос народа. 1918. 4 июня; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 46.

¹⁸ РГВА. Ф. 40308, оп. 1, д. 69, лл. 1–2; Сибирская жизнь (Томск). 1918. 16 июня.

Естественным ядром вооруженных сил Временного Сибирского правительства послужили вышедшие из подполья офицерские и эсеровско-областнические организации. Как свидетельствуют изданные Западно-Сибирским комиссариатом и Гришиным первые военные приказы, главными источниками, из которых они намеревались черпать дополнительные кадры, являлись бывшие офицеры, военные чиновники, юнкера и добровольцы. Первые две категории, ранее состоявшие на действительной военной службе, подлежали обязательной мобилизации. 6 июня это же правило было распространено на юнкеров. Набор добровольцев регламентировал специальный документ — «Временные условия формирования сибирских добровольческих полков в Западно-Сибирском военном округе», в соответствии с которым в Сибирскую армию принимались граждане не моложе 18 лет, «незапятнанные нравственно и изъявившие искреннюю готовность преданно служить идее народовластия, осуществляемой Временным Сибирским правительством»¹⁹.

Нетрудно заметить существенную разницу между содержанием изданного Гришиным приказа № 1 и «Временными условиями...», под которыми стояли подписи М.Я. Линдберга, Н.В. Фомина и Гришина. В первом случае речь шла о формировании национальной армии, во втором — вооруженных сил, отвечавших эсеровскому пониманию народовластия. Такое расхождение в указанных документах можно объяснить тем, что Гришин не мог не считаться с мнением двух видных эсеров, к тому же стоявших выше него в «табели о рангах».

В принципе позиция Гришина того времени по вопросам военного строительства оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, имеются факты, позволяющие утверждать, что Гришин вроде бы хорошо сознавал, что после двух революций 1917 г. слепо копировать традиции императорской русской армии было невозможно и глупо. Об этом свидетельствует хотя бы его отношение к Н.Н. Сумарокову, который после оставления 31 мая большевиками Томска был назначен начальником местного гарнизона, а 1 июня получил приказ формировать Томскую Сибирскую дивизию. Но полковник, будучи последовательным монархистом, сразу же надел погоны, что вызвало недовольство многочисленных томских фронтовиков. По указанию членов Западно-Сибирского комиссариата командующий войсками Томского района Л.Д. Василенко сместил Н.Н. Сумарокова с должности начальника дивизии и назначил его исполняющим обязанности ин-

---

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 16, л. 36; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 6 июня.

спектора артиллерии Томского района, передав командование дивизией А.Н. Пепеляеву. Прибывший в Томск Гришин произведенные Л.Д. Василенко кадровые перемещения принял как должное к сведению, хотя назначение на военные должности было его прерогативой²⁰.

С другой стороны, для Гришина абсолютно неприемлемо было большинство тех новаций, которые произошли в русской армии после Февральской революции: создание солдатских комитетов, коллективное руководство войсками, учреждение должностей комиссаров при военачальниках, организация товарищеских судов, падение служебной дисциплины и т. д. Он резко критически оценивал те принципы, на которых в Поволжье формировал свою Народную армию Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч). Сохранились комментарии Гришина к утвержденным 17 июня 1918 г. руководством Комуча «Временным правилам об организации и службе Народной армии», адресованные штабу Сибирской армии, командирам корпусов и другому начальствующему составу.

В частности, организацию управления Народной армией Гришин оценил одним словом — «совдеповщина»; пункт, гласивший, что «все без исключения добровольцы стоят на полном довольствии и получают жалование 15 рублей» он назвал «демагогией»; о товарищеских дисциплинарных судах отозвался такой фразой — «как действуют эти суды, мы знаем»; относительно использования Георгиевской ленточки в качестве отличительного знака Народной армии оставил помету, гласившую: «Это знак отличия, и очень высокий». «Обдумать» — такой была реакция Гришина на пункт «Временных правил...», в котором регламентировался внутренний порядок в войсках («Вне службы все равны. Служба начинается с отдачей приказа или команды и кончается с выполнением приказа и команды») ²¹.

В то же время Гришин никак официально не отреагировал на появление подпоручика военного времени эсера Л.Н. Перелешина в качестве комиссара сначала при начальнике Томского гарнизона, затем — при штабе Томской дивизии. Институт комиссаров при воинских частях Временного Сибирского правительства, сначала введенный кое-где Западно-Сибирским комиссариатом, 14 июня 1918 г. был упразднен самим комиссариатом²². Правда, в тот же день Гришин сделал

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 12, л. 108; РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 130, л. 4; Сибирская жизнь. Экстренный выпуск (Томск). 1918. 31 мая; Кириллов А.А., *кап.* Сибирская армия в борьбе за освобождение. С. 43.

²¹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, лл. 27–29.

²² ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 7, л. 143; д.12, л. 103; Сибирская жизнь. 1918. 1 июня; Голос народа. 1918. 2, 4 и 6 июня; Западно-Сибирский комиссариат Временно-

ответный жест, выступив на заседании Западно-Сибирского комиссариата с предложением об учреждении при командующем войсками округа коллегиального совещательного органа — военного совета — и о желательности участия в этом совете представителей комиссариата²³. Но через пару недель, когда произошла передача власти Западно-Сибирским комиссариатом Совету министров Временного Сибирского правительства, эта идея потеряла свою актуальность.

Разумно повел себя Гришин при решении такого важного вопроса, как набор добровольцев в Западно-Сибирскую армию. Он не отказал общественности в лице Томской губернской земской управы и комитета партии эсеров, предложившим свое содействие, в праве участвовать в формировании армии. 17 июня Западно-Сибирский комиссариат с участием Гришина принял решение доверить общественным организациям и учреждениям решение ряда проблем по работе с добровольцами: подбор кадров агитаторов, определение способов их работы среди населения, издание листовок и воззваний, — тогда как военные власти взяли на себя обязанности по инструкторованию агитаторов и созданию центров приема добровольцев²⁴. Заметим, что к 25 июня в специально созданном в Томске отделе по формированию добровольческой армии уже имелось 84 инструктора-агитатора. Они были направлены во все уезды Томской губернии, а также в часть уездов Алтайской губернии и Акмолинской области, где провели большую работу по информированию населения о текущих политических событиях, одновременно убеждая его добровольным вступлением в Сибирскую армию поддержать новую власть²⁵.

С самого начала грамотную позицию занял Гришин по вопросу о добровольческих вооруженных формированиях, которые в ряде городов после свержения советской власти начали создавать местные партийные комитеты меньшевиков и эсеров, а также национальные организации. В отличие от ряда томских военных, которые потребовали их разоружения, Гришин посчитал возможным возложить на добровольческие отряды, состоявшие из надежных граждан, караульную службу и обеспечение общественной безопасности²⁶. Во исполнение категорического требования Гришина начальник Томского гарнизона А.Н. Пепеляев был вынужден аннулировать приказание о сда-

---

го Сибирского правительства. С. 105.

²³ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 101.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 1, л. 15; Временное Сибирское правительство. С. 72.

²⁵ Заря (Томск). 1918. 5 августа.

²⁶ ГАТО. Ф. Р-1362, оп. 1, д. 287, л. 81.

че оружия дружинами и отрядами самоохраны, а вслед за ним командующий войсками Томского района Л.Д. Василенко — издать приказ всем партийным и национальным вооруженным дружинам Томска поступить в распоряжение коменданта города²⁷.

Более того, 20 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат с участием Гришина, П.П. Иванова-Ринова и Л.Д. Василенко специально обсудил вопрос об организации боевых дружин общественными организациями и поручил своему военному отделу составить проект положения, «устанавливающего общеобязательные формы взаимоотношений военных властей и общественных организаций, желающих принять участие в этом деле»²⁸.

Гришин был не только хорошим организатором, но и, безусловно, ориентировался в вопросах военной стратегии и тактики. Прямых данных о его непосредственном участии в разработке военных операций и руководстве их осуществлением не выявлено. В принципе для решения указанных задач существовал штаб армии, в котором работали грамотные и имевшие боевой опыт офицеры. Да и особенности вооруженной борьбы в Сибири летом 1918 г., когда сплошной линии фронта не существовало, а боевые действия велись в основном вдоль линии железной дороги, не требовали жесткого руководства из единого центра. Поэтому планированием и проведением операций самостоятельно занимались в основном командиры отдельных частей и соединений, а также созданные ими импровизированные штабы.

На начальной стадии вооруженной борьбы, когда в середине июня 1918 г. боевой состав находившихся под началом Гришина войск едва превышал четыре тысячи человек, в центре своего внимания он держал две взаимосвязанные проблемы. С одной стороны, Гришин добивался концентрации сил на главных направлениях, с другой — не допускал их распыления для решения второстепенных задач. Предельно четко свое понимание того, как должна действовать Сибирская армия, он дважды изложил в начале июня 1918 г. в беседе с корреспондентом новониколаевской газеты. В первом интервью, разъяснения причины, по которым подчиненные ему войска не развивают наступление на барнаульском направлении, Гришин заявил: «Не ликвидирую же я барнаульских большевиков потому, что в военном деле никогда не следует забывать русской пословицы „За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь“». Еще более четко эта же мысль прозвучала во втором

---

²⁷ Голос народа. 1918. 4 и 7 июня.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 1, л. 18; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 127–128.

интервью: «[...] Я не считаю возможным разбрасываться сразу на несколько направлений и гоняться за дешевыми лаврами, а, наоборот, считаю необходимым закреплять каждый шаг»²⁹.

4 июня 1918 г. Гришин издал приказ № 4, в котором признал необходимым «создание сильной ударной группы войск, сосредоточенных в одном, определенном месте». Одновременно он категорически потребовал от начальников гарнизонов прекратить использование регулярных войск для несения в городах охранно-караульной службы³⁰.

Серьезной винушкой Гришин сделал командиру Средне-Сибирского корпуса подполковнику А.Н. Пепеляеву, когда тот допустил использование одного из подчиненных ему отрядов для преследования бывших советских руководителей Красноярска, пытавшихся на пароходах скрыться в низовье Енисея. На телеграмме члена Енисейского губернского комиссариата Н.Н. Козьмина, сообщавшей об организации операции по поимке беглецов, Гришин наложил такую резолюцию: «Командиру Средне-Сибирского корпуса приказано действовать, не разбрасывая сил. Если армия задается целью преследовать всех бегущих красноармейцев, то главной задачи она не в состоянии будет выполнить. Это — азбука военного дела»³¹.

В отличие от многих военачальников периода гражданской войны, Гришин практически не бывал на линии фронта и даже в действующих частях. Документально зафиксирована единственная подобная его поездка, предпринятая 26 июня 1918 г. в Ишим. Здесь красным войскам, насчитывавшим около 1,1 тыс. штыков, противостояли Степная Сибирская стрелковая дивизия полковника Г.А. Вержбицкого и чехословацкие части, которые вместе почти в два раза численно превосходили противника. К тому же Степная Сибирская дивизия почти на 80% состояла из офицеров.

Вся деятельность Гришина во время пребывания в Ишиме свелась к заслушиванию доклада Г.А. Вержбицкого о расположении войск на фронте и плана наступления дивизии, в участии в совещании командного состава, на котором командующий армией дал невнятные инструкции «на случай наступления нашей дивизии» и выслушал нужды начальников частей, в смотре частей войск дивизии, в посещении уездной земской управы и городского головы, в приеме начальника гарнизона и местного уполномоченного Временного Сибирского пра-

---

²⁹ Народная Сибирь. 1918. 1 и 2 июня.

³⁰ ГАТО. Ф. Р-1362, оп. 1, д. 287, л. 81. В газете «Омский вестник» от 21 июня этот приказ имеет № 41 и датируется 6 июня 1918 г.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 97, лл. 7–9.

вительства. Вся поездка заняла не более 20 часов, а смысл ее осуществления, видимо, был понятен только самому Гришину³².

Возглавив вооруженные силы Западно-Сибирского комиссариата, Гришин официально стал «первым человеком» не только в сформированной военной вертикали, но и крупной политической величиной. Теперь к числу его важнейших функций относился анализ как военной, так и общественно-политической ситуации в Сибири в целях оперативного реагирования на ее изменения. После свержения советской власти в Новониколаевске и Томске в штабе Западно-Сибирского военного округа (армии) с особым напряжением следили за боями между чехами и красными в районе Омска, где находились огромные интендантские склады. Как вспоминал год спустя один из сотрудников штаба, полученная 7 июня 1918 г. телеграмма об освобождении Омска вызвала среди его офицеров «огромную радость, так как мы знали, что теперь у нас будут патроны и обмундирование, в котором ощущался такой большой недостаток»³³.

Кроме того, Гришина, естественно, волновало то, как поведут себя местные военные во главе с П.П. Ивановым-Риновым: признают ли они в новых условиях его в качестве командующего и верховенство Западно-Сибирского комиссариата? Судя по всему, эти же проблемы волновали находившегося в Новониколаевске М.Я. Линдберга, поскольку силы эсеров в Омске были настолько слабы, что им даже не удалось создать комиссариата Временного Сибирского правительства. 8 июня в переговорах по прямому проводу с оставшимися в Томске Л.Д. Василенко и П.Я. Михайловым М.Я. Линдберг потребовал, чтобы в связи с возрастанием объема деятельности Западно-Сибирского комиссариата П.Я. Михайлов и В.О. Сидоров на экстренном поезде немедленно выехали в Новониколаевск. «Полковник Гришин, — передал М.Я. Линдберг, — будет ждать [П.Я.] Михайлова до утра, а затем выезжает в Омск». Поскольку, видимо, М.Я. Линдберг опасался сговора Гришина и П.П. Иванова-Ринова за спиной эсеров, он считал крайне необходимым, «чтобы Гришин выехал в Омск совместно с [П.Я.] Михайловым»³⁴.

Рано утром 11 июня П.Я. Михайлов и Гришин прибыли в Омск. Как вскоре выяснилось, опасения М.Я. Линдберга насчет Гришина и Гришина, в свою очередь, насчет П.П. Иванова-Ринова оказались на-

---

³² РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, лл. 2–3.

³³ Русская армия (Омск). 1919. 7 июня.

³⁴ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 86.

прасными. П.П. Иванов-Ринов не нарушил имевшиеся договоренности. Оказалось, что еще 7 июня он издал ряд приказов по Омскому гарнизону, в которых объявил, что Временным Сибирским правительством назначен командиром Степного корпуса, а вся власть в городе принадлежит ему и уполномоченному Временного Сибирского правительства А.А. Кузнецову³⁵. Ознакомившись с омской обстановкой и убедившись, что ситуация не вышла из-под контроля, Гришин дал в Новониколаевск начальнику штаба округа телеграмму: «Общее положение в Омске вполне благоприятное»³⁶.

Вечером того же дня П.Я. Михайлов, Гришин и П.П. Иванов-Ринов посетили заседание Омской городской думы. П.Я. Михайлов рассказал думцам о возникновении, деятельности и задачах Временного Сибирского правительства, а Гришин³⁷ впервые сделал ряд важных заявлений о том, в чем он видит цели и задачи вооруженных сил Временного Сибирского правительства. «Сибирская добровольческая армия, — сказал он, — находится вне политики и построена на демократических принципах. Предоставляя всем политическим партиям, всем общественным группировкам бороться вокруг Временного Сибирского правительства в смысле парламентской борьбы, Сибирская добровольческая армия не позволит какой-либо стороне [вести] эту борьбу с оружием в руках». От имени армии Гришин потребовал от присутствующих «забыть все партийные и классовые споры», а в случае эффективной помощи с их стороны пообещал им «передать власть Сибирскому Учредительному собранию»³⁸.

На следующий день П.Я. Михайлов и Гришин сделали еще один важный шаг. Они подготовили и от имени Временного Сибирского правительства неофициально передали отъезжавшему из Омска в Вологду дипломатическому представителю Северо-Американских соединенных штатов меморандум. В этом документе они кратко объяснили происхождение правительства (избрано Сибирской областной думой, состоящей из представителей земских и городских самоуправлений, а также национальных меньшинств), его основные цели и задачи (возобновление деятельности Всероссийского Учредительного собрания, созыв Сибирского Учредительного собрания, восстановление органов самоуправления, прекращение гражданской войны, осуществление идей народоправства и государственной мощи). Непри-

---

³⁵ Омский вестник. 1918. 11 июня.

³⁶ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 43, л. 15.

³⁷ В газете это выступление Гришина ошибочно приписано П.П. Иванову-Ринову.

³⁸ Омский вестник. 1918. 13 июня.

знание Брестского мирного договора, восстановление дружеских отношений с союзными державами и совместная с ними борьба против германского милитаризма были названы приоритетными внешнеполитическими проблемами Временного Сибирского правительства. В меморандуме сообщалось о начале формирования в Сибири добровольческой армии на основе строгой дисциплины по образцу Западной Европы. Завершался документ заявлением о том, что эта армия будет стоять «вне политики, вне классов и партий»³⁹. В результате союзники впервые получили достоверную информацию о том, кто и почему ведет в Сибири борьбу против большевиков из самого надежного источника — от непосредственных руководителей этой борьбы.

Тогда же Гришин принял решение еще по одному важному вопросу: о переводе штаба Западно-Сибирского военного округа (армии) из Новониколаевска в Омск. С военной точки зрения такой перевод был вполне оправдан, поскольку в Омске имелась более развитая инфраструктура и имевшие опыт штабной службы офицерские кадры. Находясь в Омске, легче было контролировать поведение командиров казачьих формирований, не отличавшихся законопослушанием и дисциплинированностью. Поскольку с жильем в городе было плохо, квартиру ему быстро обустроили в гарнизонном собрании, приведя в порядок и оставив мебелью комнаты, которые недавно занимал советский военный комиссариат. 13 июня Гришин телеграфировал жене в Новониколаевск, чтобы через пару дней она выехала на новое место жительства⁴⁰.

Западно-Сибирский комиссариат не мог не считаться с хорошо мотивированным решением Гришина о переводе штаба округа (армии) в Омск. В то же время комиссариат не мог допустить и потери своего непосредственного контроля над командованием армии. П.Я. Михайлов вместе со срочно прибывшими в Омск Б.Д. Марковым и М.Я. Линдбергом лихорадочно взвешивали разные варианты и, несмотря на возражение В.О. Сидорова, после колебаний приняли решение перенести резиденцию Западно-Сибирского комиссариата в Омск.

Последнее означало, что необходимо безотлагательно и практически с «нуля» формировать исполнительный аппарат комиссариата. Еще 12 июня, заблаговременно, П.Я. Михайлов провел большое совещание омских демократических деятелей, представителей государственных и общественных учреждений для того, чтобы выяснить ре-

---

³⁹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 10; Временное Сибирское правительство. С. 63.

⁴⁰ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 12.

альную экономическую ситуацию в городе и получить рекомендации относительно кандидатов на должности.

Вечером 14 июня в Омске состоялось первое заседание Западно-Сибирского комиссариата. На заседании, кроме трех его наличных членов, присутствовали два оказавшихся здесь министра Временного Сибирского правительства: глава ведомства внешних сношений П.В. Вологодский и министр финансов И.А. Михайлов, а также Гришин и приглашенный на должность управляющего делами комиссариата профессор Г.К. Гинс. Первыми в повестке дня заседания стояли четыре вопроса, инициированные Гришиным, в том числе о военном отделе комиссариата и его заведующем.

Вопросы эти возникли далеко не случайно. Как уже упоминалось, заведовал военным отделом Западно-Сибирского комиссариата Н.В. Фомин. Это был молодой, но умный, энергичный и умеющий работать с разными людьми человек. Он довольно быстро вошел в курс дел военного ведомства. Даже такой опытный и взывательный бюрократ, каким был Г.К. Гинс, отнюдь не благоволивший эсерам, позднее признавал, что Нил Валерианович «проявлял большую распорядительность и такт»⁴¹. В заведующем военном отделе, обнаружившим способность решать проблемы военного строительства, Гришин, у которого стали прорезаться амбиции, увидел реального конкурента, которого он считал необходимым немедленно устранить со своей дороги.

Однако мотивы личного характера Гришин умело закамфлировал деловыми соображениями. Алексей Николаевич утверждал, что иметь в Омске две руководящие военные структуры — штаб Западно-Сибирского округа (армии) и военный отдел комиссариата, деятельность которых к тому же частично дублировалась, — нецелесообразно. Поэтому Гришин предлагал считать уже укомплектованный штаб округа (армии) военным отделом комиссариата, а заведующим военным отделом ультимативно потребовал назначить его самого. К тому времени Гришин уже располагал таким влиянием, что члены Западно-Сибирского комиссариата были вынуждены пойти на уступку. 14 июня комиссариат принял решение считать штаб военного округа своим военным отделом, а командующего войсками округа — заведующим военным отделом⁴². Как следствие, Гришин сконцентрировал в своих руках огромную власть.

---

⁴¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 84–85; Шишкин В.И. Фомин Нил Валерианович // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 406.

⁴² Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами

Пожалуй, в то время в лагере сибирской контрреволюции имелся только один человек, который превосходил его по авторитету и силе влияния. Это был П.Я. Михайлов. Со времен подполья они действовали тандемом, ведущим в котором все время был Павел Яковлевич⁴³. Такое распределение ролей сохранилось и после перебазирования Западно-Сибирского комиссариата в Омск. Однако из-за тяжелой болезни жены, жившей в Томске, он не мог полноценно заниматься государственными делами, что повышало акции Гришина. 14 июня Западно-Сибирский комиссариат предоставил П.Я. Михайлову семидневный отпуск для поездки в Томск по личным делам. Оценивая возникшую в Омске политическую ситуацию, М.Я. Линдберг сообщал еще находившемуся в Новониколаевске В.О. Сидорову: «[...] Уезжать отсюда ни в коем случае невозможно, особенно после того, как пришлось выехать в Томск [П.Я.] Михайлову»⁴⁴.

Гришин не преминул воспользоваться новой ситуацией. 19 июня 1918 г. он направил Совету министров Временного Сибирского правительства во главе с П.Я. Дербером и военному министру этого правительства А.А. Краковецкому, находившимся в то время в Харбине, донесение, в котором коротко проинформировал их о ходе восстания и военно-политической обстановке в Сибири. Заканчивалось это донесение такими словами: «Мы все, ставши[е] под знамена Временного Сибирского правительства, клянемся, что будем честно служить этому законному правительству Сибири, и наше оружие никогда не станет оружием классово-партийной борьбы»⁴⁵. Складывается впечатление, что Гришин пытался установить прямые связи с П.Я. Дербером и А.А. Краковецким, чтобы ослабить непосредственный контроль со стороны Западно-Сибирского комиссариата и обрести более высоких покровителей и партнеров.

* * *

«Правые» круги сибирской общественности изначально были недовольны слишком мягкой политикой Западно-Сибирского комисса-

---

комиссариата (Омск). № 1. 1918. 28 июня. С. 7; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 101.

⁴³ У Г.К. Гинса, наблюдавшего за деятельностью П.Я. Михайлова в это время в Омске, о нем сохранилось такое впечатление: «Этот бледный человек с горящими черными глазами работал день и ночь» (см.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 83).

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 6, л. 221.

⁴⁵ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 118-119.

риата по отношению к свергнутым большевикам и их сторонникам, медленным темпами формирования государственного аппарата и неудовлетворительным — преимущественно эсеровским — его составом. Совершенно естественно, что в стремлении хотя бы поправить ситуацию они свои взоры в первую очередь обратили на военных, ключевой и одновременно совершенно непонятной для них фигурой среди которых был командующий Сибирской армией. С ним они связывали смутные надежды на ужесточение политического курса. Заметим, что для такого рода внимания и тем более для таких надежд Гришин не давал не только абсолютно никаких ни оснований, но даже и повода.

Судя по всему, одним из первых, кто предпринял попытку прозондировать реальные политические взгляды Гришина и заодно выяснить его преданность эсеровскому Западно-Сибирскому комиссариату, был редактор издававшейся в Томске самой многотиражной и влиятельной газеты «Сибирская жизнь» 63-летний А.В. Адрианов. Александр Васильевич был хорошо известен местной общественности своими научными исследованиями Азиатской России и сопредельных с ней территорий, просветительской, издательской и политической деятельностью. Формально А.В. Адрианов являлся членом трудовой народно-социалистической партии и депутатом Временной Сибирской областной думы. Реально же гораздо большее значение имела его принадлежность к областникам и близость к самому патриарху сибирского областничества — Г.Н. Потанину. А.В. Адрианов входил в так называемый «потанинский кружок», который еще в феврале 1918 г. разработал свою платформу, направленную на борьбу с большевиками, на спасение России через создание временной беспартийной власти, утверждение в стране законности и порядка и созыв Учредительного собрания⁴⁶.

А.В. Адрианов был человеком огромного общественного темперамента, который для достижения поставленной цели не стеснялся в выборе средств, зачастую даже нарушая общепринятые нормы поведения. Со страниц «Сибирской жизни» он почти сразу же, не считаясь даже с советом Г.Н. Потанина «прийти на помощь комиссариату», повел на последний атаку, требуя изменить его состав и включить представителей цензовой общественности⁴⁷.

---

⁴⁶ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 68; *Ларьков Н.С.* О роли «потанинского кружка» в консолидации антибольшевистских сил в Сибири // История белой Сибири. Материалы 6-й международной научной конференции (7–8 февраля 2005 года). Кемерово, 2005. С.206–211.

⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 15, лл. 3–3а; *Шишкин В.И.* Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь 1918 г.) // Вестник НГУ. Серия:

12 или 13 июня 1918 г. А.В. Адрианов специально приехал в Новониколаевск для того, чтобы повстречаться с Гришиным и лично выяснить у него, «какой платформы держатся люди, стоящие у власти в качестве комиссаров Западной Сибири». Но поскольку к тому времени Гришин был уже в Омске, А.В. Адрианов написал ему пространное письмо, в котором изложил свою оценку политической обстановки в Западной Сибири после ее освобождения от большевиков и сформулировал ряд вопросов, на которые хотел бы получить ответы.

Вот какие вопросы задал А.В. Адрианов Гришину: «Знает ли он Гр. Н. Потанина, имя которого свято для всей Сибири, как ее испытанного, старого и верно борца за ее интересы? [...] Находится ли командующий войсками в контакте с так называемым [Временным] Сибирским правительством и с кем именно? Находится ли он в подчинении у военного министра этого правительства полков[ника] Краковецкого? Находится ли он в контакте с атаманом [А.И.] Дутовым, генералом [Л.Г.] Корниловым и [М.В.] Алексеевым? Можно ли опасаться присылки в Сибирь карательной экспедиции из-за Урала? Работает ли атаман [Г.М.] Семенов, где и каковы будут его дальнейшие планы? Что разумее командующий под именем Сибирского правительства и каков его состав в данное время персонально? Насколько необходимо поддерживать Врем[енное] Сибирское правительство с Дербером во главе и областную Сибирскую думу данного состава? Основательно ли опасение, что с колебанием власти Врем[енного] Сибирск[ого] правит[ельст]ва мы рискуем лишиться поддержки союзников, которые будто бы только и ждут выяснения, — признает ли страна [Временное] Сибирское правительство в данном составе? Нас пугают перспективой вторжения в Сибирь германцев в случае, если мы не признаем Врем[енного Сибирского] правительства и его комиссаров, что поведет в свою очередь к отказу союзников нам в помощи. Какая цель переезда Зап[адно]-Сибир[ского] комиссариата из Томска в Новониколаевск и переедет ли он отсюда в Омск в случае переезда туда командующего со своим штабом? Каковы взаимоотношения между комиссариатом и военной властью?»⁴⁸.

К письму А.В. Адрианов приложил № 28 редактируемой им «Сибирской жизни», в которой была напечатана платформа «потанинского кружка».

Гришин успешно справился с возникшей перед ним непростой задачей. 20 июня он ответил А.В. Адрианову собственноручно напи-

---

История, филология. Новосибирск, 2005. Т. 4. Вып. 2 (история). С.54–63.

⁴⁸ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 30.

санным небольшим письмом, составленным в лучших дипломатических традициях. Для начала он выразил свое сожаление, что не смог лично побеседовать с Александром Васильевичем. Далее, ссылаясь на недостаток времени, командующий Сибирской армией категорически отказался прямо отвечать на заданные ему вопросы, предложив редактору газеты самому найти «исчерпывающие ответы» на них в своих приказах, распоряжениях и действиях!

Дальше, однако, Гришин все же счел нужным во избежание кривотолков хотя бы в общих чертах объяснить А.В. Адрианову суть своей позиции. «Я считаю, — написал он, — необходимым еще раз подчеркнуть, что я и вверенная мне армия поклялись честно служить Сибирскому Временному правительству как законному правительству Сибири и вполне удовлетворяющему нас своим основным пунктом программы — созывом Сибирского Учредительного собрания».

Затем Гришин повторил А.В. Адрианову то, что уже говорил на заседании Омской городской думы: «[...] Армия стоит вне политики и, признавая Сибирское Временное правительство как идею, предоставляет право все классам, партиям и общественным группировкам вести вокруг этого правительства парламентскую борьбу, имея в виду при этом, что малейшая попытка к выступлению против Сибир[ского] пр[авительст]ва с оружием в руках, от кого бы она ни исходила, будет немедленно и решительно ликвидироваться армией».

В заключение Гришин выразил уверенность, что такая уважаемая газета, как «Сибирская жизнь», «поможет нашей молодой Сибирской армии в ее тяжелой, но почетной работе созданием соответствующей обстановки, которая заключается в полном объединении всех здравомыслящих граждан вокруг Сибирского Временного пр[авительст]ва»⁴⁹.

Видимо, А.В. Адрианов был удовлетворен ответом командующего армией. В принципе ему не могла не импонировать позиция Гришина, состоявшая в признании Временного Сибирского правительства только как идеи. Это открывало возможность произвести замену персонального состава правительства, удалив из него одних и введя других. Не случайно, между Гришиным и А.В. Адриановым после этого завязалась переписка, носившая доверительный характер.

После освобождения от большевиков Степного края и переезда Западно-Сибирского комиссариата в Омск резко активизировались цензовые элементы. 16 июня в Омске на собрании торговцев и промышленников было принято несколько чрезвычайно важных постановлений по вопросам текущей жизни, подготовленных биржевыми

---

⁴⁹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 38.

комитетами, а также группой деятелей торговли и промышленности. Главным из них был, естественно, вопрос о власти. Цензовики считали, что из-за чрезвычайных обстоятельств вся власть сначала в Омске, а затем и в Западной Сибири должна быть вверена одному лицу — диктатору, который имеет право назначения на все административные и судебные должности. Для управления губерниями и областями диктатор немедленно должен был назначить управляющих и их помощников. Такой порядок цензовики предлагали сохранять до полного сконструирования и укрепления на местах всесибирской правительственной власти⁵⁰.

В торгово-промышленных кругах Томска стали активно муссироваться слухи о «белом» генерале, военной диктатуре и т. п.⁵¹ В начале 20-х чисел июня томские биржевики направили в Омск к Гришину специальную делегацию с предложением о реорганизации верховной гражданской власти, минуя Западно-Сибирский комиссариат. Находившийся в Томске и бывший в курсе этих событий П.Я. Михайлов попытался блокировать инициативу биржевиков, но безуспешно. С тревогой сообщая об этом Гришину, он просил проинформировать об этом Западно-Сибирский комиссариат и выработать консолидированную позицию, о содержании которой срочно поставить его в известность.

Особенно беспокоило П.Я. Михайлова еще одно обстоятельство, о котором он зашифрованной телеграммой информировал Гришина в таких выражениях: «...Много поводов для посылки делегации дала оппозиция Ивана Андриановича, о чем говорили открыто [в] Новониколаевске и ссылались прямо на его авторитет. Пробовал я открыть ему глаза, но не знаю результатов. Дедушка Сазонов со мной согласен»⁵².

Упомянутый П.Я. Михайловым Иван Андрианович — это находившийся тогда в Новониколаевске министр финансов Временного Сибирского правительства Михайлов. Он родился в Карийской каторжной тюрьме в семье ссыльного народника, члена «Земли и воли». В 1913 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и был оставлен для подготовки к званию профессора по кафедре политической экономии. Во время Мировой войны заведовал Петроградским отделением экономического отдела Всероссийского земского союза. После Февральской революции служил в министерствах земледелия, продовольствия и финансов Всероссийского

---

⁵⁰ Сибирская речь (Омск). 1918. 23 июня.

⁵¹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 41.

⁵² РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 3.

Временного правительства, управляющим делами Экономического совета правительства. Являлся автором трех книг о государственных доходах и расходах России в начале XX века. С 1908 г. состоял в партии эсеров, из которой вышел, видимо, осенью 1917 г. С декабря 1917 г. был товарищем председателя Петроградского отделения Союза сибиряков-областников. В ночь на 29 января 1918 г. на тайном заседании части членов Временной Сибирской областной думы заочно был избран министром финансов. В конце апреля 1918 г. его пригласили заведовать экономическим бюро при Союзе сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», и он переехал жить в Новониколаевск⁵³.

30 мая 1918 г., когда М.Я. Линдберг приступил в Новониколаевске к формированию исполнительного аппарата Западно-Сибирского комиссариата, И.А. Михайлов дал согласие возглавить отдел финансов. Но почти сразу же он стал дистанцироваться от реальной работы и фактически перестал заведовать отделом. С большим трудом Гришину и П.Я. Михайлову удалось уговорить его приехать в Омск для участия в заседании комиссариата, состоявшемся 14 июня. Приняв участие в первом заседании комиссариата в Омске, И.А. Михайлов вернулся в Новониколаевск. 21 июня членом комиссариата пришлось вновь отправлять телеграмму в «Закупсбыт» с просьбой к И.А. Михайлову прибыть в Омск лично или командировать своего помощника для передачи дел и материалов новому заведующему отделом финансов⁵⁴.

Гришин быстро отреагировал на информацию П.Я. Михайлова. На телеграмме Павла Яковлевича командующий написал такую резолюцию: «Сообщить П.Я. Михайлову, что подобные делегации у меня уже были и методы борьбы с ними у меня выработаны. Оппозиция И.А. Михайлова вредная для дела и армии, и я потребую ее ликвидации». 23 июня 1918 г. этот текст был телеграммой передан в Томск П.Я. Михайлову⁵⁵.

Вторая половина июня 1918 г. прошла под знаком новых военных успехов Чехословацкого корпуса и Сибирской армии. К концу месяца почти полностью были освобождены от большевиков Западная Сибирь, Енисейская губерния, Южный Урал и Зауралье. К 30 июня

---

⁵³ Шишкин В.И. Михайлов Иван Андрианович // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск. 2009. Т. 2. С. 373.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 3, л. 3; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 46, 96, 134. Упорное нежелание И.А. Михайлова сотрудничать с Западно-Сибирским комиссариатом можно объяснить только одной причиной: неприятием его партийного состава и политического курса.

⁵⁵ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, лл. 2–3.

боевой состав Сибирской армии составил 11943 человека при 19 орудиях и 108 пулеметах⁵⁶.

Заняв наряду с постом командующего Сибирской армией должность главы военного ведомства, Гришин был вынужден заняться не только оперативными вопросами, связанными с боевой деятельностью армии, но и всем комплексом проблем формирования, управления, снабжения и т. д. вооруженных сил. Изданные им приказы и распоряжения позволяют судить о том, какие из них он считал наиболее важными и насколько грамотно пытался их решить. Так, 19 июня Гришин издал приказ № 4 по войскам Западно-Сибирской отдельной армии о розыске и сборе боевого оружия, 20 июня — приказ № 6 о необходимости строгого соблюдения воинской дисциплины и честного исполнения воинского долга, 30 июня — приказ № 15 о недопустимости создания импровизированных должностей и учреждений⁵⁷.

25 июня Гришин направил в Западно-Сибирский комиссариат служебную записку, в которой обратил внимание на публикацию в газете «Омский вестник» информационных телеграмм, помеченных как правительственные сообщения, но содержащих неблагоприятную для власти информацию. «Несомненно, — отметил Гришин, — подобного рода сведения лишний раз подчеркивают в сознании обывателя неустойчивость нашего положения и даже бессилие власти». Поэтому он попросил Западно-Сибирский комиссариат впредь все сведения военного характера передавать в печать только через штаб армии⁵⁸. Не исключено, что именно записка Гришина побудила Западно-Сибирский комиссариат в тот же день издать постановление «О печати», в котором он обратил внимание всех граждан, обществ и учреждений на необходимость «точного и неуклонного соблюдения всероссийского закона о печати от 27 апреля 1917 г.»⁵⁹.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Гришин видел некоторые «болевые» точки растущего армейского организма и даже пытался на них воздействовать. В то же время он явно закрывал глаза на нарушения законности, произвол и бесчинства, которые творили военные, особенно начальники гарнизонов и командный состав дей-

---

⁵⁶ РГВА. Ф. 40308, оп. 1, д. 69, л. 2.

⁵⁷ Омский вестник. 1918. 22 и 30 июня, 4 июля; Заря (Омск). 1918. 29 июня; Известия отряда чешско-словацких войск (Иркутск). 1918. 15 июля.

⁵⁸ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 47.

⁵⁹ Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами комиссариата. Омск, № 2, 30 июня 1918 г. С. 1–2.

ствующих отрядов, по отношению к населению, периодической печати и гражданским властям.

Так, в Новониколаевске утром 4 июня при переводе из арестного дома в военный городок конвой застрелил якобы при попытке к бегству арестованных во время переворота большевиков Ф.И. Горбана, А.И. Петухова и Ф.П. Серебренникова, левых эсеров Полковникова и Шмурыгина⁶⁰. По приговору военно-полевого суда, учрежденного начальником военного района войсковым старшиной В.И. Волковым, в начале июня 1918 г. были расстреляны 22 гражданина Петропавловска, среди которых были женщины и газетные работники. Подвергся преследованию со стороны В.И. Волкова и бесследно исчез также уполномоченный Временного Сибирского правительства в Петропавловске эсер М.М. Чекушин (Шаньгин, Лиссабонский)⁶¹. Только в июне 1918 г. дважды производились бессудные расстрелы арестованных в Барнауле. В числе убитых оказались члены Алтайского губисполкома советов Н.Д. Малюков и Киреев⁶². Тогда же около десятка человек было расстреляно вопреки приказу командира Степного Сибирского корпуса офицером Шеркуновым в Ишиме⁶³. Бесчинствовал и лютовал в Кузнецком уезде отряд штабс-капитана Альмановича⁶⁴. Обо всех этих случаях Гришин знал, но только Шеркунов был арестован военными властями, причем общественности сообщили, что офицер не являлся военнослужащим Сибирской армии и был нездоров психически⁶⁵.

На 29 июня Гришин запланировал выехать в Челябинск, где в то время находился штаб Чехословацкого корпуса, а также имелась группировка русских частей под командованием полковника Н.Г. Сорочинского и войскового старшины М.И. Замятина. Существовала настоятельная необходимость нормализовать отношения с командованием Чехословацкого корпуса. Его командование не скрывало своего недовольства тем, что, как считал командир корпуса генерал-майор В.Н. Шокоров, вверенные ему части «фактически всю тяжесть войны с советскими властями несли, несут и будут нести на себе», тогда как местные русские войска были заняты только караульной службой⁶⁶.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 12, л. 80; ф. Р-176, оп. 1, д. 1, лл. 15–16.

⁶¹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, лл. 12–13; Единство (Петропавловск). 1918. 28 июля.

⁶² ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 194, лл. 55–56; Алтайский луч (Барнаул). 1918. 20 июня.

⁶³ ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 6, л. 260.

⁶⁴ Голос народа (Томск). 1918. 1 августа.

⁶⁵ Омский вестник. 1918. 23 июня; Заря (Омск). 1918. 27 июня.

⁶⁶ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 26.

Следовало также решить вопрос о подчинении Сибирской армии имевшихся в районе Челябинска формирований русских частей. Но Гришин от намеченной командировки в Челябинск неожиданно отказался, отправив 29 июня В.Н. Шокорову, Н.Г. Сорочинскому и М.И. Замятину телеграмму такого содержания: «Вследствие болезни выеду не завтра, а через несколько дней»⁶⁷.

Действительно, в местной печати имеются упоминания о том, что в конце июня — начале июля Гришин болел⁶⁸. Но представляется, что в немалой степени эта болезнь имела и политический характер. Во всяком случае, на такую мысль наводит записка, которую днем 27 июня Гришин отправил все еще находившемуся в Томске П.Я. Михайлову: «Ваше присутствие здесь крайне необходимо, и я очень прошу Вас приехать в ближайшие дни»⁶⁹. П.Я. Михайлов, несомненно, хорошо понимал, зачем он так срочно потребовался в Омске. Он ответил Гришину, как минимум, двумя телеграммами, в которых обещал приложить все силы «к экстренному выезду» и постараться «ускорить выезд»⁷⁰.

Причину беспокойства Гришина нетрудно «вычислить» по омской прессе, исправно информировавшей читателей о местных новостях. Безусловно, одним из главных событий тех дней стал неожиданный для всех без исключения совместный приезд утром 27 июня в Омск сразу трех из шести находившихся в то время на территории Сибири министров Временного Сибирского правительства: уже упоминавшегося министра финансов И.А. Михайлова, министра юстиции Г.Б. Патушинского и министра туземных дел М.Б. Шатилова⁷¹. Следует также иметь в виду, что вместе с ними приехал председатель Временной Сибирской областной думы И.А. Якушев. Точнее, министры приехали с И.А. Якушевым, поскольку инициатива внезапного появления этой группы в Омске исходила именно от него.

Ивану Александровичу Якушеву к тому времени только что исполнилось 32 года. Он получил образование в Омской центральной фельдшерской школе, но главным его занятием стала революционная деятельность, которую он с 1907 г. вел в рядах партии эсеров. За участие в революционных событиях 1905–1906 гг. в Туркестане И.А. Якушев подвергался аресту, а в 1910 г. был осужден к ссылке в Восточную Сибирь, которую отбывал сначала в Братской волости Нижнеудинского уезда, затем — в селе Тулун.

---

⁶⁷ Там же, л. 51.

⁶⁸ Омский вестник. 1918. 6 июля.

⁶⁹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 50.

⁷⁰ Там же, лл. 52–53.

⁷¹ Заря (Омск). 1918. 27 июня; Омский вестник. 1918. 29 июня.

В 1914–1915 гг. И.А. Якушев служил в Иркутской городской управе и в продовольственной комиссии. Февральская революция вынесла его на гребень политической волны. Он избирался членом секретариата исполнительного комитета общественных организаций Иркутска, гласным местной городской думы, являлся участником октябрьского и декабрьского чрезвычайного Сибирских областных съездов в Томске. В ночь на 26 января 1918 г. И.А. Якушев был арестован томскими большевистскими властями и заключен в тюрьму Красноярска. На состоявшемся двое суток спустя нелегальном заседании части членов Временной Сибирской областной думы заочно был избран ее председателем⁷². В Красноярской тюрьме И.А. Якушев сидел в одной камере с Г.Б. Патушинским, с которым подружился. Оба они оказались на свободе накануне бегства большевиков из Красноярска.

Судя по всему, Гришин был обеспокоен приездом большой группы министров в Омск, поскольку их появление на местном политическом горизонте могло привести к очередной смене государственной власти, чреватой потерей с такими риском и усилиями добытыми должностями. Интуиция не подвела полковника. 28 июня состоялось совещание министров Временного Сибирского правительства с участием И.А. Якушева. Участники совещания выяснили, что у них существует единство взглядов по таким ключевым вопросам, как отношение к свергнутым советам и к партии большевиков-коммунистов, к Брестскому мирному договору, к Сибирской областной думе, к национализированным предприятиям и имуществам. Они признали необходимым принять на себя власть на освобожденной от большевиков территории Сибири, конституируясь как Совет министров Временного Сибирского правительства. Министерские должности, на которые их избрала Сибирская областная дума, были частично перераспределены. П.В. Вологодский, сохранив за собой пост министра внешних сношений, стал также председателем Совета министров, И.А. Михайлов, Г.Б. Патушинский и М.Б. Шатилов сохранили свои портфели, а еще не прибывший из Красноярска министр здравоохранения В.М. Крутовский получил должность министра внутренних дел⁷³.

Трое находившихся в Омске членов Западно-Сибирского комисариата, имевших статус только уполномоченных Временного Сибирского правительства, после некоторых колебаний согласились уступить власть пятерке министров. Гришин, быстро сориентировавшийся

---

⁷² Шишкин В.И. Якушев Иван Александрович // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 3. С.

⁷³ Временное Сибирское правительство. С. 99–100.

ся в новой обстановке, понял, кто из конкурентов сильнее и предпочтительнее для него, и поддержал претензии претендентов. 30 июня передача власти была оформлена специальной грамотой председателя Сибирской областной думы⁷⁴.

Западно-Сибирский комиссариат и Совет министров позиционировали себя как представители Временного Сибирского правительства. Но они отличались как по составу, так и по политическим позициям своих членов. Если большинство комиссариата составляли эсеры-максималисты, то в Совете министров ситуация была принципиально иная. Председатель правительства П.В. Вологодский, в прошлом эсер, больше таковым не являлся, а считал себя беспартийным областником и государственным. Министр внутренних дел В.М. Крутовский симпатизировал эсерам, но тоже считал себя беспартийным областником. Министр юстиции Г.Б. Патушинский входил в трудовую народно-социалистическую партию. Министр финансов И.А. Михайлов, около десятка лет бывший эсером, теперь своих бывших «однопартийцев» люто ненавидел и относил себя к беспартийным государственным. Единственным эсером в правительстве являлся министр туземных дел М.Б. Шатилов, человек нерешительный и слабый. Иначе говоря, правительственная коллегия Совета министров была значительно «правее», чем Западно-Сибирского комиссариата. Можно утверждать, что, несмотря на формальную преемственность власти, по сути дела в конце июня 1918 г. в Омске произошел мирный государственный переворот.

Совет министров не поспешил на похвалу своим предшественникам — членам Западно-Сибирского комиссариата, отметив в специальной грамоте их «крупные и исторические по своему значению заслуги перед Сибирью и государственностью». Но еще больших комплиментов удостоился Гришин. В особой грамоте он был назван достойным вождем армии, уникальным военачальником и администратором⁷⁵. Эти слова, конечно, согревали больного полковника.

Откликаясь на похвалу, Гришин в тот же день, 30 июня, издал приказ № 14, в котором говорилось: «[...] Я еще раз от имени всех офицеров, казаков и солдат Сибирской армии объявляю, что мы клянемся честно, до последней капли крови, служить нашей родине России и Сибири и законному Временному правительству Сибири, которое доведет нас до Сибирского и Всероссийского Учредительного соб-

---

⁷⁴ Там же. С. 102, 120; *Гинс Г.К.* Указ. соч. С. 90–92; *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 62–63.

⁷⁵ Временное Сибирское правительство. С. 103–105.

рания». Причем Гришин потребовал этому приказу «дать самое широкое распространение путем прочтения во всех ротах, помещения в газетах и расклейки на улицах»⁷⁶. Хотя полковник не мог не понимать, что омский Совет министров во главе с П.В. Вологодским и харбинский Совет министров под председательством П.Я. Дербера — это два разных правительства, только формально позиционирующих себя в качестве единого органа власти.

Но подлинно целительным бальзамом для Гришина стала не персональная грамота, а официальный указ Совета министров от 1 июля 1918 г., в котором Гришин был назначен управляющим военным министерством с оставлением в должности командующего армией. 3 июля он впервые участвовал в заседании Совета министров в качестве управляющего военным ведомством⁷⁷.

Переход власти к Совету министров объективно содействовал дальнейшему укреплению позиций Гришина в вооруженных силах. К тому же 5 июля он получил от Совета министров еще один мощный инструмент воздействия на подчиненных: право производства в высшие чины в армии и в военном ведомстве⁷⁸.

В свою очередь новый, более «правый» политический курс, который стало проводить правительство, теперь позволял Гришину действовать смелее, без оглядки на эсеровские представления об устройстве армии. Не случайно, на следующий день после взятия власти Советом министров Гришин издал приказ № 2 по военному ведомству, который был не только полон лести в адрес Временного Сибирского правительства, но и впервые публично провозглашал основополагающие принципы внутреннего распорядка в Сибирской армии.

Гришин потребовал от строевых начальников всех степеней, от всех начальников военных заведений и учреждений, от всех без исключения военнослужащих во всех своих распоряжениях и действиях руководствоваться такими нормативными документами и правилами: существующими законами и воинскими уставами с изменениями, введенными в них Всероссийским Временным правительством (кроме комитетов, советов, комиссаров, митингов, голосований и пр.); постановлениями Временного Сибирского правительства; вновь отдаваемыми им приказами по военному ведомству и по армии; приказами своих начальников; в случае сомнения — здравым смыслом, не боясь проявлять личную инициативу. Идейными основами Сибирской ар-

---

⁷⁶ Заря (Омск). 1918. 2 июля; Омский вестник. 1918. 2 июля.

⁷⁷ Временное Сибирское правительство. С. 109, 113.

⁷⁸ Там же. С. 121.

мии он провозгласил любовь к родине — России и Сибири, преданность идее Всероссийского и Сибирского Учредительного собрания, полное и беспрекословное подчинение Временному Сибирскому правительству⁷⁹.

Еще одним фактором, который стал «работать» на Гришина, была неспособность большинства членов Совета министров по объективным обстоятельствам (состояние здоровья П.В. Вологодского и Г.Б. Патушинского, возраст В.М. Крутовского, партийная ангажированность М.Б. Шатилова) вести активную работу как среди местной общественности, так и за пределами Омска, в то время как на очередь дня выдвигались задачи координации деятельности с другими антибольшевистскими силами и правительствами на западе и на востоке России.

Исключение из этого ряда составлял только министр финансов И.А. Михайлов. Молодой, умный, образованный, волевой, энергичный, имевший опыт государственной службы в центральных ведомствах — он вполне соответствовал духу времени и обстановке набиравшей обороты гражданской войны.

Воспользовавшись столь благоприятной обстановкой, Гришин развил активность прежде всего в самом Омске. 3–9 июля он принял участие в работе нескольких проходивших в городе крупных общественно-политических мероприятий: 4-го чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска, Акмолинского областного крестьянского съезда, объединенного заседания казаков, крестьян и духовенства. Причем Алексей Николаевич обнаружил незаурядные ораторские способности. На казачьем круге и на крестьянском съезде его выступления были встречены восторженно⁸⁰. Тогда же он встречался с прибывшим в Омск всего на один день главой французской военной миссии при Чехословацком корпусе майором Альфонсом Гинэ⁸¹.

В то же время Гришин продолжал активно взаимодействовать со своим ближайшим сподвижником по предшествующей работе — П.Я. Михайловым, который с середины июня находился в Томске. Этот союз имел отнюдь не идеалистический характер и не являлся следствием дружеских отношений, хотя по письмам и запискам Павла Яковлевича чувствуется, что он симпатизировал Гришину. Со стороны же Гришина интерес к П.Я. Михайлову носил сугубо прагматический характер и объяснялся его реальным положением во властных структурах.

---

⁷⁹ РГВА. Ф. 39597, оп. 1, д. 12, л. 17.

⁸⁰ Омский вестник. 1918. 7 июля; *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 65.

⁸¹ Заря (Омск). 1918. 6 июля.

Дело в том, что Павел Яковлевич оказался единственным из членов Западно-Сибирского комиссариата, кого Совет министров уже 30 июня 1918 г., то есть еще до назначения всех других управляющих министерствами, посчитал необходимым привлечь к своей работе в качестве товарища министра внутренних дел. Премьер П.В. Вологодский, видимо, знавший Павла Яковлевича еще по Томску, считал, что он был человек «хороший и государственно-мыслящий». Телеграмму П.Я. Михайлову с предложением приехать в Омск для занятия должности товарища министра отправили в Томск за подписью самого председателя Совет министров⁸². Пост товарища министра этого ведомства при слабо дееспособном В.М. Крутовском по своему объективному значению не уступал должности главы любого другого ведомства, кроме, пожалуй, военного.

Правда, тяжелая болезнь жены резко ограничила мобильность П.Я. Михайлова и резко отрицательно сказалась на его собственном здоровье. Как доверительно сообщил он 20 июня Гришину, за последние несколько дней «я постарел лет на десять»⁸³. И без того крайне неустойчивая психика П.Я. Михайлова дала серьезный сбой. Близко наблюдавшие его член Томского губернского комиссариата А.А. Грацианов и В.М. Крутовский — врачи по профессии — считали, что он страдал манией величия и манией преследования⁸⁴.

Справедливость этих оценок в какой-то мере подтверждают несколько зашифрованных телеграмм, которые 7 июля 1918 г. П.Я. Михайлов послал в Омск товарищу министра иностранных дел М.П. Головачеву и Гришину о ситуации в Иркутске. Основываясь на полученных им частных сведениях, как вскоре выяснилось — недостоверных, он утверждал, что, во-первых, Иркутск был освобожден от большевиков с востока частями есаула Г.М. Семенова и чехословаками, во-вторых, из Иркутска в Омск при содействии командира Средне-Сибирского корпуса А.Н. Пепеляева выехало Российское правительство во главе с адмиралом А.В. Колчаком⁸⁵.

Одновременно П.Я. Михайлов высказал Гришину вполне обоснованное мнение о том, что положение Временного Сибирского правительства в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке «зависит исклю-

---

⁸² ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 6, л. 31; ф. Р-5871, оп. 1, д. 92, л. 6; Временное Сибирское правительство. С. 106. Примерно такую же характеристику П.В. Вологодский дал П.Я. Михайлову в своем «Дневнике»: «[...] Хороший он человек и чистый политик» (см.: *Вологодский П.В. Указ. соч. С. 71*).

⁸³ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 41.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 2 л.36; ф. Р-5871, оп. 1, д. 92, л. 6.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 3, лл. 6, 10, 13; РГВА. Ф. 39671, оп. 1, д. 44, лл. 4, 7.

чительно от позиции чехов, ибо на востоке ни у кого никаких серьезных сил нет и быть не может». Исходя из такой оценки военной ситуации, П.Я. Михайлов предлагал Гришину срочно связаться командующим Восточным фронтом чехословацким полковником Р. Гайдой и начать дипломатическую игру, нейтрализуя Японию Америкой⁸⁶.

Гришин думал примерно так же. В отправленной 7 июля по телеграфу П.Я. Михайлову записке он писал: «[...] При взятии Иркутска мы можем быть поставлены перед очень сложной политической ситуацией, и мы обязаны обеспечить себя от губительных последствий». Лучший вариант избежать неожиданностей и неприятностей в районе Иркутска, освобождения которого от большевиков ждали со дня на день, Гришин и Совет министров Временного Сибирского правительства видели в откомандировании П.Я. Михайлова для работы на Восточном фронте. «Я, — писал Гришин Павлу Яковлевичу, — считаю необходимым Ваше там присутствие [...]»⁸⁷.

Что касается Совета министров, то 7 июля он обратился к П.Я. Михайлову с просьбой «немедленно выехать на восток для дальнейшего следования по мере продвижения войск Временного Сибирского правительства». На него возлагались обязанности по представительству Временного Сибирского правительства, по организации гражданской власти и управления, по объединению и руководству деятельностью уполномоченных правительства⁸⁸. Информацию о возложенной Советом министров на П.Я. Михайлова тяжелой ноше Гришин скрасил словами сочувствия и поддержки: «Зная Вас и Вашу любовь к Сибири, уверен, что Ваши тяжелые семейные обстоятельства все-таки не помешают Вам исполнить это поручение [...]»⁸⁹.

Прибывший через пару дней в штаб Средне-Сибирского корпуса П.Я. Михайлов в первую очередь собрал информацию о состоянии частей Сибирской армии. Уже 12 июля он направил Гришину личное письмо с анализом обстановки. Его первые строки были такие: «Дела идут чрезвычайно нехорошо, и необходимо принимать самые решительные меры». Заканчивалось же послание выводом о том, что «сейчас восток и фронт этот в предательских руках». Ответственность за такую обстановку Павел Яковлевич возложил на командира корпуса А.Н. Пепеляева, обвинив его в устранении назначенцев Гришина и раскассировании созданных им организаций, в установлении связей с

---

⁸⁶ ГАРФ. ф. Р-170, оп. 1, д. 3, л. 14.

⁸⁷ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 1.

⁸⁸ Временное Сибирское правительство. С. 674.

⁸⁹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 1.

Г.М. Семеновым, генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом и поддерживавшим последнего Дальневосточным комитетом защиты родины и Учредительного собрания, базировавшимся в Харбине⁹⁰.

Гришин оказался в непростой ситуации выбора между П.Я. Михайловым и А.Н. Пепеляевым. Особую пикантность ей придавало то обстоятельство, что одновременно он получил письмо и от А.Н. Пепеляева. Письмо командира корпуса командующему армией являлось ответом на телеграмму, в которой Гришин поздравил А.Н. Пепеляева с производством в полковники. А.Н. Пепеляев, в свою очередь, поблагодарил Гришина за оказанное доверие и поздравление, а также заверил, что «если [будет] нужно, то мы умрем, но дадим Временному Сибирскому правительству спокойно работать на благо освобожденной Сибири»⁹¹.

Для истории на письме П.Я. Михайлова 21 июля Гришин оставил такую ремарку: «Я все-таки по-прежнему верю полк[овнику] Пепеляеву»⁹². Фактически она означала, что Гришин перестал доверять П.Я. Михайлову.

Более того, в поведении товарища министра внутренних дел, обличенного доверием всего Совета министров, командующий армией увидел злой умысел. Со всей очевидностью об этом свидетельствует письмо, в тот же написанное им А.Н. Пепеляеву. Оно начиналось такими словами: «Люди, которым, по-видимому, выгодно посеять смуту и взаимное недоверие в нашей офицерской семье и, между прочим, между высшими начальствующими лицами, уже долгое время стремятся убедить меня, что Вы стоите во главе „партии военной диктатуры“, что Вы определенно сноситесь с Дальневосточным комитетом и т. д. и т. д.».

В письме был также фрагмент, в котором Гришин как бы расставил точки над «i». «Раз [и] навсегда, чтобы не было между нами никаких недоразумений, я заявляю Вам, также как и Вашим врагам, честно и открыто: я верю Вашему офицерскому честному слову служить верой и правдой Временному Сибирскому правительству, я ценю Вас как храброго и умелого боевого начальника, и в смысле политическом Вы тоже пользовались и ныне пользуетесь моим полным доверием»⁹³. Такое признание означало, что Гришин порвал с П.Я. Михайловым, который являлся его главной связью с Сибирским краевым комитетом партии эсеров. Другими словами, он почти порвал с эсерами и пе-

---

⁹⁰ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 81.

⁹¹ Там же, лл. 77–78.

⁹² Там же, л. 81.

⁹³ Там же, л. 79. Подчеркнуто А.Н. Гришиным.

реориентировался на другие политические группы, набиравшие силу на востоке России.

* * *

Достаточно сориентировавшись в новой обстановке и осознав прочность своих позиций, Гришин решил совершить отложенную командировку в Челябинск. 10 июля он проинформировал Совет министров о своем намерении и обратился с просьбой делегировать вместе с ним уполномоченного правительства для изучения общеполитического положения в районе Челябинска. Совет министров пошел навстречу просьбе командующего армией и постановил командировать вместе с ним в Челябинск товарища министра иностранных дел М.П. Головачева. Как уже отмечалось, в тот же день Гришин был произведен в генерал-майоры⁹⁴.

Но прежде, чем выехать в Челябинск, Гришин решил провести через Совет министров имевший исключительно важное значение вопрос о комплектовании Сибирской армии. 11 июля генерал он выступил на вечернем заседании Совета министров с обстоятельным докладом, который подготовила специальная комиссия из высших чинов штаба Западно-Сибирского военного округа. В докладе в тезисной форме излагались способы комплектования армии, определялись число призываемых возрастов, призываемые контингенты, продолжительность срока службы, порядок призыва, размер содержания призываемых, порядок комплектования запасных частей, размер содержания унтер-офицеров запасных частей, характер вооружения запасных полков и предлагалась последовательность проведения намеченной работы.

В докладе делался вывод о том, в создавшихся условиях наиболее целесообразным способом комплектования армии в Сибири является «обязательный призыв нескольких молодых возрастов в зависимости от количества формируемых войсковых частей и наличности числа лиц в каждом из возрастов», а наилучшей системой комплектования была признана территориальная, «как не вызывающая больших передвижений и к которой само население относится сочувственно».

Исходя из того, что первоначально намечалось сформировать три корпуса, для укомплектования которых требовалось около 120,0

---

⁹⁴ Временное Сибирское правительство. С. 144–147. Правда, вызывает удивление тот факт, что указ о производстве Гришина в генерал-майоры был официально опубликован только 1 сентября 1918 г. (см.: Сибирский вестник. 1918. 1 сентября).

тыс. человек, в докладе рекомендовалось мобилизовать только два возраста призывов 1919 и 1920 гг., «как не бывших на фронте и не зараженных большевизмом».

Призыву подлежало все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1 января 1915 г. Поляки, украинцы и представители других народностей подлежали призыву в части, организуемые по национальному принципу, но входящие в состав русских высших войсковых соединений. Никаких льгот и освобождения от призыва не предусматривалось, даже для народных учителей. Срок службы определялся в два года. Информация населения о призыве и доставка призываемых к воинским начальникам и в приемные комиссии возлагались на городские и волостные органы самоуправления.

Для укомплектования запасных частей офицерским составом намечалось призвать офицеров, годных к службе только в мирное время, допуская повышение возрастного ценза до 53 лет. Унтер-офицерскую проблему предполагалось решить путем набора добровольцев, обучения во вновь созданных унтер-офицерских школах и выдвижения на должности из состава призванных по усмотрению командиров. Оклады содержания призванных рядовых и унтер-офицеров рекомендовалось сохранить на уровне существующих в добровольческих частях. Первым днем призыва предлагалось объявить 20 августа 1918 г.

Доклад был хорошо встречен министрами и управляющими ведомствами. Его основные положения были утверждены с минимальными поправками и вошли в указ Временного Сибирского правительства от 31 июля, в соответствии с которым военное ведомство подготовило и позднее осуществило призыв молодых сибиряков в армию⁹⁵.

Однако ситуация с поездкой в Челябинск довольно неожиданно усложнилась. Дело в том, что после освобождения Уфы от большевиков появилась возможность установить прямое сообщение между Омском и Самарой, где образовался антибольшевистский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания. Самарский Комуч, состоявший к тому времени из полутора десятка эсеров, претендовал на лидерство в лагере контрреволюции. Видимо, он и был инициатором установления контактов с Временным Сибирским правительством, надеясь договориться с ним о создании всероссийской власти. Во всяком случае, около 10 июля Комуч поставил Совет министров Времен-

---

⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 535, лл. 1–3; ф. Р-193, оп. 1, д. 31, лл. 1–3; Сибирский вестник (Омск). 1918. 18 августа.

ного Сибирского правительства в известность о направлении своей делегации в Омск.

Провинциальные сибирские министры проявили разумную осторожность, посчитав, что им не следует допускать в свою столицу политических конкурентов с российскими именами и с такими же амбициями. Поэтому было принято решение о том, чтобы провести встречу с комучевцами не в Омске, а в признавшем власть Временного Сибирского правительстве уездном городе Челябинске, воспользовавшись поездкой туда Гришина и М.П. Головачева. Правда, состав отправлявшейся в Челябинск делегации был усилен за счет включения в нее министра финансов И.А. Михайлова. 11 июля членам Комуча в Самару была отправлена телеграмма за подписью управляющего делами Совета министров Г.К. Гинса, содержащая соответствующую информацию. На всякий случай, чтобы комучевцы не «проскочили» через Челябинск, 13 июля Г.К. Гинс послал начальнику тамошней железнодорожной станции телеграмму с просьбой задержать самарскую делегацию, при необходимости объяснив ей, что для переговоров с членами Комуча в Челябинск выезжают представители Временного Сибирского правительства⁹⁶.

Сибирская делегация выехала из Омска вечером 13 июля на специальном поезде командующего Сибирской армии, в составе которого имелись платформы с автомобилями, призванные продемонстрировать высокий статус членов делегации. По пути следования поезд сделал остановки на станциях Исилькуль, Петропавловск и Курган. Здесь Гришин принимал доклады местной военной администрации — комендантов станций, городов и начальников гарнизонов — о политическом настроении населения, его отношении к власти и чехословакам. Командующий армией не мог не заметить, что чехословацкие офицеры несли службу гораздо лучше, чем русские. Вдобавок ко всему, настроение омрачил инцидент, произошедший на подходе к последнему разъезду перед станцией Челябинск. В вагон, в котором находился Гришин, врезался товарный состав. Стенка генеральского вагона была пробита, оконные стекла и электрические лампочки — разбиты, но пассажиры не пострадали.

В полдень 14 июля поезд с сибирской делегацией прибыл на станцию Челябинск. Правительственную делегацию из Омска встречали почетный караул и все местное военное начальство, в том числе командир Уральского корпуса генерал-лейтенант М.В. Ханжин, командир Чехословацкого корпуса генерал-майор В.Н. Шокоров, коман-

---

⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 95, лл. 77, 80.

дир Челябинской дивизии полковник Н.Г. Сорочинский, начальники их штабов, другие штаб-офицеры. В салон-вагоне командующего Сибирской армией все они представились Гришину, после чего с ними состоялась короткая беседа⁹⁷.

В тот день в Челябинск прибыли еще две делегации. Приехавшую первую составляли нелегально добравшиеся из Москвы члены Союза возрождения России А.А. Аргунов — член ЦК эсеров и депутат Всероссийского Учредительного собрания, Л.А. Кроль — член ЦК партии народной свободы и депутат Всероссийского Учредительного собрания и В.Е. Павлов — эсер, депутат Всероссийского Учредительного собрания. Во вторую входили посланцы Самарского Комуча И.М. Брушвит — товарищ его председателя и управляющий ведомством финансов, М.А. Веденяпин-Штегеман — член ЦК эсеров, управляющий ведомством иностранных дел Комуча и полковник Н.А. Галкин — начальник штаба Народной армии Комуча.

«Возрожденцы» первые напросились на прием к сибирякам. Сначала с ними долго беседовал М.П. Головачев, затем наступила очередь Гришина и И.А. Михайлова. Они, вспоминая позднее Л.А. Кроль, «приняли нас очень тепло и радушно».

Затем сибиряков «в частном порядке» посетили самарцы, встреча с которыми была продолжительной, но разговора «по душам» не получилось. Напротив, отношения между обеими делегациями сразу же приняли настолько острый характер, что возникла угроза срыва переговоров. И.М. Брушвит, считавший Гришина эсером и пославший ему записку, начинавшуюся словами «товарищ Алмазов», получил ответ, в котором ему популярно разъясняли, что никакого «товарища» здесь нет, а «есть военный министр»⁹⁸.

Воспользовавшись возникшей паузой в переговорах, Гришин сначала принял секретаря Челябинского исполнительного комитета народной власти Г.А. Носкова, потом — представителей Чехословацкого национального совета. После этого он в пятом часу дня на собственном автомобиле отправился в «Номера М.И. Дядина», где находился штаб формировавшегося М.В. Ханжиным Уральского корпуса, и вернулся оттуда почти в семь часов вечера. Остаток вечера Алексей Николаевич провел в беседе с командиром Чехословацкого корпуса и членами Чехословацкого национального совета, которая проходила в его салон-вагоне.

⁹⁷ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, лл. 4–5.

⁹⁸ Кроль Л.А. Указ соч. С. 63.

Утром 15 июля по предложению А. Гинэ все участники совещания участвовали в киносъёмке. Почти вся середина дня ушла у Гришина сначала на беседу с «возрожденцами», а затем — на поездку с М.В. Ханжиным в офицерскую кадровую роту, где командующий армией познакомился с «начальствующими лицами» Челябинского гарнизона.

Во второй половине дня, благодаря инициативе и дипломатическим усилиям А. Гинэ, удалось открыть совещание с участием всех трех русских делегаций, прибывших в Челябинск. После того, как оно конституировалось, была сформулирована его повестка дня. Она включала в себя два вопроса: создание центральной всероссийской власти и объединение командования вооруженными силами, — которые в то время для антибольшевистских сил были, безусловно, главными. Затем все делегации в общих чертах осветили историю возникновения представляемых ими структур и изложили свое видение того, как они считают нужным решать вопросы, поставленные в повестку дня. Поскольку прения приняли характер общеполитической дискуссии, то по предложению того же А. Гинэ, поддержанного делегацией Союза возрождения России, было решено, что сначала должны консолидировать свои позиции самарцы и омичи⁹⁹.

Такие переговоры в узком составе под председательством И.М. Брушвита длились до позднего вечера. От имени сибирской делегации И.А. Михайлов сразу же заявил, что она явилась для координации с Комучем практических действий, а не для выяснения вопросов о возможности и конструкции всероссийской власти. Тем не менее, И.М. Брушвит предложил в первую очередь обсудить разработанный Комучем проект организации верховной власти и изложил его содержание.

Сибиряки, не вступая в обсуждение предложенного И.М. Брушвитом проекта, заявили, что они являются областниками и будут последовательно защищать интересы Сибири. Опираясь в дальнейшем на данную позицию как на базовую, И.А. Михайлов аргументировал право Сибири иметь собственное мнение по вопросу об организации центральной власти, а Гришин — располагать собственной армией, подчиненной «исключительно Сибирскому правительству». Причем сибиряки не стеснялись откровенно блефовать. Так, И.А. Михайлов утверждал, что Временное Сибирское правительство «не признает никакого всероссийского правительства, которое сорганизуется без со-

---

⁹⁹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, лл. 5–6; *Кроль Л.А. Указ. соч. С. 64–66; Волков Е. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 95.*

глашения с ним», что центральная власть «должна быть санкционирована населением Сибири».

Еще дальше пошел Гришин. Он сообщил, что главнокомандующим Сибирской армией намечается английский генерал-майор Ф.С. Пуль. Отправку частей Сибирской армии на Волжский фронт, если бы такое произошло (и на что надеялись самарцы), назвал «величайшей авантюрой», а их нахождение в Сибири и на Урале расценил как создание тыла, который «одинаково нужен как для союзников, так и для России».

В результате переговоры 15 июля окончились почти безрезультатно. И.М. Брушвит даже утверждал, что не нашлось ни одного пункта, по которому было бы достигнуто согласие. В действительности это было не так. Делегации Временного Сибирского правительства и Комуча взяли взаимное обязательство не распространять своих распоряжений на территорию, контролируруемую другой стороной¹⁰⁰.

Для того, чтобы сдвинуть «русское дело» с «мертвой точки», утром 16 июля снова было созвано совместное заседание всех трех делегаций с участием майора А. Гинэ, членов Временного исполнительного комитета чехословаков в России К. Куделы, Р. Медека, И. Патейдла, Б. Павлу и Ф. Рихтера, командира Чехословацкого корпуса генерал-майора В.Н. Шокорова и начальника его штаба полковника Червинки. По взаимному согласию участников председательствовал на заседании Б. Павлу.

По просьбе Гришина представители Союза возрождения России дали более подробную информацию о представляемой ими организации: ее составе, целях, задачах и т. п. Затем все русские делегации разъяснили свою позицию по вопросу о необходимости и принципах организации центральной всероссийской власти. И.А. Михайлов от лица омской делегации заявил о том, что Временное Сибирское правительство «заинтересовано в создании центральной власти, но оно подходит к этому вопросу осторожно». В то же время он решительно отверг предлагавшуюся самарцами схему, в соответствии с которой задача по созданию общероссийской власти доверялась только Комучу.

Сибиряков поддержала делегация Союза возрождения России, член которой Л.А. Кроль категорически заявил: «Практически У[чредительное] с[обрание] созвать невозможно. Власть не может быть создана У[чредительным] собранием». В противовес «комучевцам» А.А. Аргунов от имени руководства Союза возрождения России предложил как можно быстрее создать центральное всероссийское пра-

---

¹⁰⁰ Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 10 августа; Сибирский вестник. 1918. 25 августа.

вительство, привлекая к этой работе не только наличных членов Учредительного собрания, но и «все политические партии и общественные организации». «Возрожденцы» мыслили это всероссийское правительство по сути как «правительство диктаторского типа — сильное и прочное», по форме — «как директорию, окруженную деловым министерством». Они немедленно предложили фамилии 15 кандидатов в состав такой директории.

После «возрожденцев» с пространной речью выступил Гришин. Чтобы отвести от себя подозрение во вмешательстве Сибирской армии в гражданские дела, генерал сделал несколько превентивных заявлений, которым никто, конечно, не поверил, о чем тут же открыто заявил И.М. Брушвит. Гришин утверждал, что Сибирская армия, ее офицеры и добровольцы, думают не столько о Сибири, сколько о России в целом; что они стоят за создание центральной всероссийской власти, но Сибирская армия взяла на себя обязательство «стоять вне политики», «более месяца не принимала и не будет принимать участие в политических распрах».

Далее Гришин отверг предложения Комуча по созданию центральной всероссийской власти как неприемлемые для армии, а также для национальных правительств башкир и киргизов (казахов). И, напротив, командующий Сибирской армией поддержал предложения «возрожденцев», заявив, что их метод организации центрального правительства «несомненно, может носить название законного»¹⁰¹.

Поскольку в очередной раз дискуссия приняла общеполитический характер и грозила затянуться, А. Гинэ предложил сделать перерыв в работе заседания и образовать две секции для обсуждения военного и политического вопросов. Это предложение было принято.

После двухчасового перерыва началось заседание военной секции. Председательствовал на ней Гришин. На секции были быстро приняты принципиальные решения о создании единого командования антибольшевистским фронтом. До прибытия в Россию союзнических войск оперативное командование всеми вооруженными силами вручалось В.Н. Шокорову — русскому генералу на чехословацкой службе, к которому в качестве консультантов рекомендовалось прикрепить по одному представителю от Народной армии Комуча и Сибирской армии.

Обеспечение вооружением, боеприпасами и снаряжением всех союзных войск, действовавших в пределах Российского государства, было признано необходимым объединить, для чего образовать меж-

---

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 95, лл. 85–87; РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, лл. 6–7.

дународную комиссию из представителей Сибирской армии, Народной армии Комуча, Чехословацкого корпуса и французской военной миссии. Комиссия должна была приступить к работе 26 июля в Омске.

Параллельно руководимая Б. Павлу политическая секция признала необходимым безотлагательно организовать центральную все-российскую власть. Более подробно характер и конструкцию этой власти рекомендовалось определить на особом государственном совещании. В то же время секция предложила передать этой власти руководство военными и иностранными делами, путями сообщения, финансами и снабжением. Созвать государственное совещание планировалось 6 августа в Челябинске, пригласив на него членов Всероссийского Учредительного собрания, за исключением большевиков и «левых» эсеров, представителей областных правительств и различных общественных организаций (политических партий, Союза возрождения России и др.). Задача созыва государственного совещания по организации центральной все-российской власти возлагалась на А.А. Аргунова.

Вечером 16 июля состоялось заключительное заседание всех прибывших в Челябинск заинтересованных сторон. Председатели военной и политической секций доложили участникам совещания о результатах проделанной под их руководством работы. Эти результаты были единогласно одобрены без каких-либо дебатов.

Кем-то из участников совещания было высказано предложение немедленно опубликовать принятые решения. Однако оно встретило категорическое возражение со стороны Гришина. Командующий Сибирской армией, напротив, рекомендовал решения по военному вопросу засекретить в принципе, а по политическому — временно не оглашать¹⁰².

Здесь, конечно, не обошлось без лукавства со стороны Гришина. Строго говоря, в соответствии с достигнутыми договоренностями он должен был лишиться части своих полномочий в оперативных вопросах. Но отсутствие официально обнародованного документа позволяло командующему Сибирской армией при необходимости игнорировать не устраивавшие его директивы В.Н. Шокорова.

Сибирская делегация в основном была довольна результатами челябинского совещания. Она смогла добиться того, что Комуч лишился права на единоличное формирование центрального все-российского правительства и согласился сделать это на государственном совещании. Выступивший от имени сибирской делегации Гри-

---

¹⁰² ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 95, лл. 87–88; РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, л. 8.

шин положительно оценил достигнутые в ходе переговоров итоги. Будущее центральное всероссийское правительство, заявил он, «по его конструкции и составу будет иметь вес, может быть названо единственно законным и, так как под его программу будет Учредительное собрание (так в тексте. — *В.Ш.*), то за ним пойдут все». Гришин поблагодарил союзников за оказанную помощь, особо отметив, что «первый шаг для возрождения России сделала братская чешская кровь». Генерал пообещал, что «Россия этого не забудет и будет их всегда считать своими братьями»¹⁰³.

В ночь на 17 июля в специальном поезде командующего армией сибирская делегация отбыла из Челябинска. На обратном пути в Кургане и в Петропавловске Гришина вновь приветствовали начальники гарнизонов городов, коменданты городов и станций. В Петропавловске к ним присоединились еще и представители городской думы, а также местной общественности (промышленники, торговцы, врачи), с которыми генерал имел непродолжительную беседу. Около 9 часов вечера 17 июля делегация прибыла в Омск¹⁰⁴.

На следующий день Совет министров Временного Сибирского правительства заслушал доклад министра финансов, управляющего военным министерством и товарища министра иностранных дел о результатах совещания с представителями Самарского Комуча, Чехословацкого национального совета и французскими дипломатическими агентами в Челябинске. Совет министров постановил благодарить всех членов делегации за весьма успешное выполнение его поручения, отметив «правильность занятой ими при переговорах позиции»¹⁰⁵.

Еще одним побочным, но исключительно важным результатом июльского челябинского совещания, на который тогда едва ли кто обратил внимание, стало установление тесных отношений между Гришиным и И.А. Михайловым. По сути дела, они образовали новый мощный военно-политический тандем, который заменил собой ранее существовавший, но изживший себя к середине июля 1918 г. тандем Гришина и П.Я. Михайлова.

* * *

Судя по всему, успех челябинских переговоров и их высокое одобрение Советом министров придали молодому генералу уверен-

---

¹⁰³ ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 95, л. 88.

¹⁰⁴ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, л. 8.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 43, лл. 56–57; Временное Сибирское правительство. С. 165–166.

ность и немного вскружили голову. Он стал действовать более решительно, настойчиво, а временами даже агрессивно. Об этом свидетельствуют как намерения, так и слова, а в особенности дела Гришина.

В первую очередь Гришин принялся за упрочение своего положения и авторитета в армии, который был невысок. Значительная часть штаб-офицеров знала своего командующего только по фамилии и не считало, что он заслуженно занимает высокую должность¹⁰⁶

Да, собственно говоря, и Сибирской армии как таковой не существовало. Она была только на бумаге. В действительности имелись отдельные партизанские отряды, полки, дивизии и два корпуса. Но они подчинялись командующему Сибирской армией номинально, а те, которые подчинялись, были немногочисленными и занятыми на второстепенных направлениях. Реально большинство сибирских воинских частей находилось в оперативном отношении в подчинении чехословацких военачальников. Гришин это прекрасно понимал и поставил своей целью свести отряды и части в реальные дивизии и корпуса, а для начала планировал постепенно перехватить у чехословацкого командования оперативное управление сибирскими войсками, давая их русским командирам свои советы и рекомендации¹⁰⁷

Претворение своего плана в жизнь Гришин начал с приказа об офицерах. Появление такого приказа было вполне ожидаемым, поскольку офицеры составляли большую часть Сибирской армии. Демократически настроенную часть сибирского общества это обстоятельство с самого начала настораживало и даже пугало, так как в офицерской среде широкое распространение имели не только антибольшевистские, но и антисоциалистические и даже монархические взгляды и настроения. Летом 1918 г. по инициативе журналистов-социалистов в периодической печати была опубликована серия статей, авторы которых убеждали население в том, что в своей массе сибирские офицеры являются выходцами из трудящихся слоев населения и настроены демократически.

Жизнь, однако, довольно быстро показала, что общество беспокоилось не напрасно. На фронте и в тылу офицеры часто нарушали законы, допускали насилие и жестокость по отношению к военнопленным и гражданскому населению. Командующий армией смотрел на эти преступления «сквозь пальцы», скорее всего потому, что не имел ни сил, ни желания пресечь их. Более того, чтобы заработать политический капитал у своих подчиненных, 5 июля он издал приказ

---

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 1, л. 20.

¹⁰⁷ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 19, л. 1.

№ 23, в котором в ложном свете представил поведение офицерского корпуса. Гришин заявил, что потомками будет оценено «исключительное рыцарство и благородство, проявленные офицерством к своему презренному врагу». Командующий армией выразил надежду, что каждый офицер и впредь будет так же «ревниво оберегать свою честь, и никто не будет иметь право упрекнуть его в кровожадных расправах с поверженными врагами»¹⁰⁸.

Второго августа Гришин издал приказ № 43, который опубликовали едва ли не все газеты Урала и Сибири от Челябинска на западе до Иркутска на востоке. В приказе командующий армией потребовал от начальников частей в борьбе с врагами быть инициативными, настойчивыми и беспощадными, «не боясь ответственности за превышение власти». В приказе содержался пространный перечень врагов и преступных деяний, за которые, как считал Гришин, необходимо «бестрепетно и беспощадно стрелять на месте». Приказ заканчивался такой сентенцией, явно рассчитанной на то, чтобы попасть в анналы истории: «Каждый военный начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково дороги и законны и что победители вообще не осудят любящие родную землю современники и благоразумные потомки»¹⁰⁹.

В том же духе и тональности был выдержан приказ № 46 от 16 августа, в котором Гришин определил формы и методы осуществления властями предстоящего набора новобранцев. Он приказал «соответствующим лицам и учреждениям „приказывать“ и „требовать“, а отнюдь не просить и не уговаривать». Уклоняющихся от службы в армии он потребовал арестовывать и заключать в тюрьму для последующего предания суду по законам военного времени, а по отношению к подстрекателям и открыто неповивающимся применять «самые решительные меры [вплоть] до уничтожения на месте»¹¹⁰.

Еще одним проявлением тенденции на ужесточение порядка в армии стал приказ № 55 по Сибирской армии от 1 сентября 1918 г. Приказ был обращен к только что призванным в ряды армии. Командующий потребовал от новобранцев честно исполнять свой долг, назвав неисполняющих его преступниками, которые «будут караться беспощадно»¹¹¹.

---

¹⁰⁸ Сибирская речь. 1918. 10 июля; Заря (Омск). 1918. 11 июля.

¹⁰⁹ Сибирь (Иркутск). 1918. 7 августа; Утро Сибири (Челябинск). 1918. 10 августа; Заря (Омск). 1918. 22 августа.

¹¹⁰ Сибирский вестник. 1918. 21 августа.

¹¹¹ Сибирский вестник. 1918. 5 сентября; Заря (Омск). 1918. 5 сентября.

На следующий день Гришин дал директивы главному начальнику Западно-Сибирского военного округа по вопросам своевременного снабжения Сибирской армии теплыми вещами. Для выполнения этого задания генерал приказал не только использовать аппарат Омского военно-промышленного комитета, но «прибегать к реквизиции сырья, заводов и проч[его]»¹¹². Такое указание выходило за рамки компетенции командующего армией и главы военного ведомства и являлось прямым вторжением в сферу деятельности министерства торговли и промышленности.

Сам же Гришин на вмешательство гражданских властей в армейские дела сначала реагировал относительно спокойно. Но постепенно его отношение стало меняться и приобретать сначала болезненный, а затем и агрессивный характер. Весьма показательна реакция Николая Алексеевича на информацию, замечаниям и советы о работе военных органов и о положении в частях армии, которые содержались в докладах уполномоченного Временного Сибирского правительства эсера Ю.А. Алексеева-Кудрявцева. В июне — июле 1918 г. Ю.А. Алексеев-Кудрявцев успешно работал в Акмолинской области и в Tobольской губернии, внося большой вклад в формирование органов государственного управления и местного самоуправления. На выписке из телеграммы Ю.А. Алексеева-Кудрявцева, отправленной 8 июля 1918 г. из Ишима и специально предоставленной ему Министерством внутренних дел, полковник Гришин наложил резолюцию: «Я подобным сообщениям значения не придаю»¹¹³.

Прошло ровно три недели, и Гришин, ставший к тому времени генералом, разразился целым рапортом на имя председателя Совета министров. В нем Николай Алексеевич утверждал, что в поведении Ю.А. Алексеева-Кудрявцева он усматривает «стремление вмешиваться в дела, подлежащие исключительно ведению военных властей».

Более того, редким случаям вмешательства гражданских властей в компетенцию военных органов по частным вопросам Гришин придал принципиальное значение. Он обратился к председателю Совета министров с просьбой «сделать соответствующее циркулярное распоряжение о полном невмешательстве гражданской власти в сферу деятельности военных властей»¹¹⁴.

Момент для атаки на гражданские власти генерал выбрал верно. Он не мог не знать, что 24 июля Совет министров упразднил должно-

---

¹¹² РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 47, л. 23.

¹¹³ ГАРФ. ф. Р-148, оп. 1, д. 21, лл. 6–10, 18.

¹¹⁴ Там же, л. 36; ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 1, л. 188.

сти уполномоченных правительства. В результате Ю.А. Алексеев-Кудрявцев лишился своего высокого статуса и тем самым утратил способность эффективно защищать себя. Не захотели сделать этого ни П.В. Вологодский, личным уполномоченным которого, кстати, Ю.А. Алексеев-Кудрявцев вскоре стал, ни П.Я. Михайлов. «Указать уполномоченному на неправильность его действий», — написал премьер-министр на рапорте Гришина, а товарищ министра внутренних дел сообщил командующему армией, что соответствующие распоряжения и указания по линии МВД им сделаны¹¹⁵.

Но надо отдать должное: при решении ряда военных проблем, имевших резонансный характер, Гришин проявил осмотрительность и осторожность. Весьма показательна его позиция по вопросу о введении в Сибирской армии погон. Как известно, большинство нижних чинов и обывателей считали погоны одним из основных символов старой, царской власти. Не случайно, после Февральской революции срывание погон приняло в российской армии характер «политической эпидемии»¹¹⁶.

Сознавая серьезность проблемы, для анализа вопроса о введении погон в Сибирской армии (на этом особенно настаивал командующий 2-м Степным Сибирским корпусом П.П. Иванов-Ринов) и чтобы разделить ответственность за принятое решение с другими военачальниками, Гришин приказал создать специальную комиссию. Ее председателем он назначил главного начальника Западно-Сибирского военного округа генерал-майора М.К. Менде. В качестве членов в комиссию были включены ставшие к тому времени тоже генералами П.П. Белов и П.П. Иванов-Ринов, инспектор артиллерии Сибирской армии полковник П.А. Бобрик, подполковники Л.Д. Василенко (начальник штаба 2-го Степного Сибирского корпуса) и А. Васильев, обер-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера штаба Сибирской армии штабс-капитан А. Фризель.

Эта комиссия 14 августа тщательно обсудила поставленный перед ней вопрос и пришла к выводу о том, что «введение погон сейчас нежелательно, так как это вызовет недовольство в народных массах, которое в связи с предстоящей мобилизацией может вылиться в ряд эксцессов и этим нарушить начинающееся объединение и оздоровление народа». Единственным членом комиссии, не согласившимся с ее большинством, был П.П. Иванов-Ринов. Он считал, что погоны нужны, причем одинаковые для солдат и офицеров, но не из политических

---

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 21, л. 36.

¹¹⁶ *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.

соображений, а исключительно «для помещения шифровки частей»¹¹⁷. Гришин прислушался к выводам комиссии и, несмотря на настойчивые требования П.П. Иванова-Ринова, вводить погоны не стал.

Затем комиссию из 36 георгиевских кавалеров при военном министерстве Гришин учредил для обсуждения вопроса о боевых наградах. О необходимости введения наград за боевые отличия говорили многие офицеры-фронтовики, с ними солидаризировались такие уполномоченные Временного Сибирского правительства, как Н.В. Фомин. Однако учрежденная главой военного ведомства комиссия единогласно высказалась против применения наград, мотивируя свою позицию тем, что армия участвует не в национальной, а в гражданской войне. В такой ситуации Гришин занял «промежуточную» позицию: он приказал вести, как это и делалось раньше, списки отличившихся солдат и офицеров, предоставив окончательное решение вопроса о наградах будущего всероссийскому Верховному главнокомандующему¹¹⁸.

После возвращения из челябинской командировки, оказавшейся для него столь успешной, Гришин все больше стал заниматься вопросами не только военными, но гражданскими, общеполитическими. Он все больше превращался в фигуру военно-политическую и публичную. Его авторитет и влияние продолжали расти. Совет министров все чаще стал давать ему ответственные поручения, а отдельные министры¹¹⁹ и лично П.В. Вологодский — обращаться за содействием в решении тех или иных проблем. Так, после издания полковником Р. Гайдой приказа об объявлении на военном положении Транссибирской железной дороги от Барабинска до Иркутска именно Гришину было предложено «безболезненно и без всяких осложнений ликвидировать это распоряжение Гайды». Командующий армией согласился выполнить поручение, о чем П.В. Вологодский оставил в своем дневнике такой комментарий: «Гришин-Алмазов взялся это сделать, а на него в этом отношении можно положиться, человек он умный и решительный»¹²⁰.

Поскольку Гришин зарекомендовал себя успешным переговорщиком, 3 августа 1918 г. Совет министров предложил ему и главе

---

¹¹⁷ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, лл. 23–26.

¹¹⁸ Заря (Омск). 1918. 1 сентября.

¹¹⁹ См., например, просьбу министра снабжения И.И. Серебренникова об освобождении арестованного военными властями в Бийске ветеринарного врача Гея. Выполняя ее, 1 сентября Гришин передал по телеграфу в Бийск свой приказ полковнику Кабакову освободить Гея как человека, «хорошо известного Временному Сибирскому правительству» (см.: ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 1, лл. 338, 341).

¹²⁰ *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 68.

только что образованного ведомства снабжения министру И.И. Серебренникову принять участие сначала во втором челябинском совещании по организации центральной всероссийской власти, а затем выехать в Екатеринбург для участия в создании гражданской и военной власти на Урале¹²¹.

Пятого августа Гришин и И.И. Серебренников во главе сибирской делегации прибыли в Челябинск. Их встречали почетный караул и местные власти. Однако на месте сразу же стало ясно, что назначенное на 6 августа совещание во время не состоится. После непродолжительного общения с местными военными и гражданскими властями сибирская делегация в тот же день выехала в Екатеринбург¹²².

В отличие от челябинских властей, подчиненных Омску и уже усвоивших торжественный ритуал встречи высоких сибирских гостей, екатеринбуржцы, чувствовавшие себя самодостаточными, не расстались и не позаботились о почетном карауле и оркестре. Узнавший об этом Гришин приказал остановить поезд в перегоне от Екатеринбурга и дал разрешение на дальнейшее следование только тогда, когда ему сообщили, что к встрече «все готово»¹²³.

Ко времени прибытия сибиряков в Екатеринбург местная межпартийная комиссия по выработке платформы и организации гражданской власти уже решила все принципиальные вопросы. По сути дела она сформировала Временное областное правительство Урала и наметила кандидатов на должности управляющих ведомствами. Осталось только договориться о распределении компетенции с Временным Сибирским правительством и получить от него официальный акт о передаче полномочий, который бы зафиксировал автономный статус Урала¹²⁴.

Приехавшие в Екатеринбург Гришин и И.И. Серебренников устроили совещание из персонально приглашенных общественных, политических, торгово-промышленных и банковских деятелей. В течение двух дней, 6–7 августа, эти вопросы были подвергнуты широкому обсуждению. Причем сначала Гришин чуть ли не ультимативно потребовал у местной общественности согласия на полное подчинение Урала Сибири. Он даже пошантажировал уже знакомого ему по первому челябинскому совещанию кадета Л.А. Кроля, в упор задав по-

---

¹²¹ Временное Сибирское правительство. С. 241–242.

¹²² Утро Сибири (Челябинск). 1918. 6 августа; Власть народа (Челябинск). 1918. 8 августа.

¹²³ Кроль Л.А. Указ. соч. С. 76.

¹²⁴ Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. С.44–53.

следнему вопросу: «А что вы, не имея реальных сил, сделаете, если мы не согласимся с вами?».

Торгово-промышленники и банковские деятели были согласны идти «под крыло» Сибири, поскольку там уже имелась твердая власть. Но этому воспротивились представители социалистических партий энесов, эсеров и социал-демократов. На позицию Гришина и И.И. Серебренникова не могло не повлиять и то обстоятельство, что в это же время в Екатеринбурге находилась делегация Комуча в составе Я.А. Богословова и А.С. Былинкина, которая тоже вела переговоры с местной общественностью, настаивая на подчинении Урала Самаре. В итоге генерала удалось убедить в том, что Урал — это не Сибирь, с этим объективным обстоятельством необходимо считаться и следует предоставить Уралу автономию¹²⁵.

В результате совещание приняло решение о том, что в ведение Временного областного правительства Урала поступят вся Пермская губерния и горнозаводские районы Вятской автономии, Оренбургской и Уфимской губерний. Правительству Урала передавалось управление всеми сферами жизнедеятельности, за исключением военного, иностранных дел, путей сообщения, почт и телеграфа, которые сохраняло за собой Временное Сибирское правительство. По предложению Гришина и И.И. Серебренникова для надзора за деятельностью правительства Урала учреждалась должность наместника (уполномоченного) Временного Сибирского правительства¹²⁶. Но окончательное решение вопроса об уральской автономии переносилось в омский Совет министров.

Днем 10 августа Совет министров заслушал подробный отчет Гришина и И.И. Серебренникова о поездке и переговорах в Екатеринбурге¹²⁷. Как сообщил в тот же день во время переговоров по прямому проводу с Л.А. Кролем П.В. Вологодский, достигнутое сибирской делегацией соглашение Советом министров было признано «вполне приемлемым»¹²⁸.

К Гришину как авторитетному и влиятельному деятелю все чаще стали обращаться представители общественности и различных партийно-политических структур с тем, чтобы проинформировать его о

---

¹²⁵ Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 15 августа; *Кроль Л.А.* Указ. соч. С. 76–77.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. Р.-176, оп. 1, д. 95, лл. 89–90.

¹²⁷ Парадоксально, но факт: в журналах обоих, дневного и вечернего, заседаний Совета министров, состоявшихся 10 августа 1918 г., вопрос об отчете делегации о поездке в Екатеринбург отсутствует.

¹²⁸ *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 73; Антибольшевистское правительство. С. 61

своей позиции и получить поддержку в решении тех или иных вопросов. Несомненно, что одной из главных проблем, которая после антибольшевистского переворота постоянно держала сибирскую общественность в состоянии возбуждения, был вопрос о Сибирской областной думе.

В принципе Сибирская областная дума являлась исходным, базовым элементом той конструкции государственной власти, которая существовала в Сибири с конца мая 1918 г. Именно ей были обязаны своим происхождением Временное Сибирское правительство и находившийся у власти Совет министров во главе с П.В. Вологодским. В принципе Совет министров это сознавал и хотел использовать думу для дальнейшего укрепления своих позиций. В декларации от 4 июля Временное Сибирское правительство торжественно объявило во всеобщее сведение, что «ныне оно одно вместе с Сибирской областной думой является ответственным за судьбы Сибири»¹²⁹.

Как только Томск был освобожден от большевиков, сюда стали съезжаться депутаты думы. Поскольку кворума для начала полноценной работы не доставало, депутаты думы стали устраивать частные совещания. 7 июля Совет министров в согласии с председателем думы И.А. Якушевым и частным совещанием постановил пополнить состав думы представителями цензовой общественности, а представительство от советов заменить представительством от профессиональных организаций¹³⁰.

В тот же день И.А. Якушев издал грамоту, в которой предложил ранее и вновь избранным депутатам думы, а также депутатам Всероссийского Учредительного собрания явиться к 20 июля 1918 г. в Томск на ее вторую сессию. Условия переживаемого момента, говорилось в грамоте, требуют немедленного решения неотложных вопросов государственного и хозяйственного строительства, поэтому «является необходимым возобновить насильственно прерванную советской властью законодательную работу Сибирской областной думы»¹³¹. Планировалось, что как только образуется кворум думы, она приступит к законотворчеству.

Но у Сибирской областной думы даже с учетом той корректировки ее состава, который должен был произойти после реализации постановления Совета министров от 7 июля, имелись серьезные про-

---

¹²⁹ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. 18 июля. № 2. Ст. 9. С. 1–3.

¹³⁰ Временное Сибирское правительство. С. 138–139.

¹³¹ ГАРФ. Ф. Р-192, оп. 1, д. 17, л. 8; Воля Сибири (Красноярск). 1918. 14 июля.

тивники. В числе наиболее активных среди них был так называемый «оборонческий блок», который создали в Омске местные группы эсеров-воленародовцев и трудовой народно-социалистической партии, а также социал-демократической группы «Единство».

Десятого июля «блокисты», обсудив вопрос о ближайшем созыве Сибирской областной думы, сформулировали собственную позицию по этому вопросу, отличную от мнения Совета министров. В своем отношении к думе «блокисты» исходили из того, что «по составу своему и по обстановке, в которой дума организовалась, она не может функционировать в качестве органа, облеченного доверием и поддержкой сколько-нибудь значительных групп», что она «не будет сочтена никем даже и за сколько-нибудь сносный суррогат представительства Сибири».

«Блокисты» утверждали, что созыв Сибирской областной думы как органа верховной власти является препятствием на пути укрепления власти Временного Сибирского правительства, «создавая другого носителя верховной власти, низводя в действительности и в правосознании масс Временное правительство до положения органа исполнительного, могущего выронить власть и до Учредительного собрания, в случае коллизии с областной думой». Они предрекали конфликт между «левой» думой, состоявшей почти из одних эсеров, и Временным Сибирским правительством, который будет иметь для Сибири катастрофические последствия.

«Блокисты» считали, что широкие круги населения испытывают «голод по твердой и сильной власти», и выражали опасения, что такой ситуацией могут воспользоваться для «окончательной ликвидации надежд на народовластие в России». По их мнению, «голод о сильной власти должен быть утолен самим Сибирским Временным правительством, для чего нельзя допускать колебаний сил Временного правительства путем возрождения органов, могущих претендовать на присвоение себе верховной власти».

Через два дня платформа «блокистов» появилась в местной кадетской газете «Сибирская речь». Но еще раньше ее подлинник за подписями лидеров всех трех организаций — В.И. Ишерского, Г.М. Котлярова и Н.А. Филашева (А. Новикова) — был отправлен Гришину¹³². Совершенно очевидно, что генерал не остался равнодушным к прочитанному.

---

¹³² РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, лл. 3–5. После публикации в «Сибирской речи» платформа «блокистов» поступила в Совет министров. В своем «Дневнике...» П.В. Вологодский называет этот документ «письменным протестом», а комментаторы «Дневника...» ошибочно отождествляют с призывом Омского отдела Союза возрождения России «К сынам погибающей родины» (см.: *Воло-*

На самом деле документ в той его части, где речь шла о составе думы и ее правомерности претендовать на роль «областного парламента», был написан со знанием вопроса и производил серьезное впечатление. Прогноз же относительно неизбежности конфликта думы и правительства был аргументирован слабо, а возможность его воплощения в жизнь — мало вероятной. Что касается утверждения авторов о «жажде» широких слоев народа в твердой и сильной власти, то он противоречил исходным посылкам авторов документа, где говорилось об усталости, полной депрессии и инертности большинства населения, «неспособного в ближайшее время к активной поддержке власти».

Видимо, правильность своего понимания платформы «блокистов» Гришин решил проверить на прибывших в Омск членах Союза возрождения России А.А. Аргунове, Л.А. Кроле и В.Е. Павлове. 17 июля он направил им этот документ, сопроводив просьбой после прочтения вернуть ему. Судя по всему, они не только быстро ознакомились с текстом, но и обсудили его содержание с Гришиным. Выяснилось, что генерал и «возрожденцы» разделяют взгляды авторов документа на роль Сибирской областной думы. Тем более, что 20 июля из-за отсутствия кворума дума не смогла открыть свою вторую сессию.

Единство взглядов со столь авторитетными политиками, прибывшими из Москвы, подвигло Гришина на новый шаг. 21 июля Алексей Николаевич написал председателю думы И.А. Якушеву довольно пространное письмо, имевшее, как он сам отметил в преамбуле, «совершенно частный характер» и продиктованное «лишь желанием предотвратить катастрофу», по его мнению, неминуемую, «если не будут приняты соответствующие меры».

Далее генерал воспроизвел исходный тезис «блокистов» о том, что эсеровская по своему составу дума, при отсутствии в ней «цензовиков», казаков, «правых» социалистов и кооператоров, не будет пользоваться авторитетом ни в народе, ни в армии.

Тезис «блокистов» о неизбежности конфликта между думой и Временным Сибирским правительством Алексей Николаевич конкретизировал, придав ему динамизм и дополнительную остроту. В результате ход генеральской мысли выглядел так: дума, несомненно, аннулирует некоторые изданные Советом министров законы, в ответ на что министры и сочувствующие им управляющие министерствами и ведомствами из корпоративной солидарности уйдут в отставку. Позицию, которую в этом случае займет он сам, Гришин изложил так:

«[...] В их числе, несомненно и безусловно, буду и я», — оттенив подчеркиванием двух слов категоричность своего мнения.

Чтобы И.А. Якушев не подумал о том, что Гришин беспокоится о сохранении собственных должностей, а понял, что генерал печется о судьбах Сибири, Алексей Николаевич дальше разъяснил: «Таким образом, самый сложный вопрос сибирской действительности — вопрос о создании общепризнанной государственной власти, а таковою был, несомненно, настоящий Кабинет министров, — вновь станет во всей своей остроте». Гришин предрекал Сибири «ужасы новой борьбы за власть и, быть может, новой междоусобной войны».

Для убедительности своих доводов Гришин сослался, с одной стороны, на мнение членов Союза возрождения России, назвав последний «солиднейшей политической группой», с другой — на отказ Самарского Комуча «от однобокого эсеровского парламентаризма», признав такое решение мудрым. Генерал заявил, что принятия такого же мудрого решения он ждет и от членов думы.

Видимо для того, чтобы облегчить думе принятие нужного решения, Гришин напомнил И.А. Якушеву о том, что Сибирская армия стоит вне политики, вне классов и вне партий, но она верит Временному Сибирскому правительству и в случае политического конфликта между ним и думой ее симпатии будут не на стороне последней. Для полной ясности генерал добавил фразу, которая самым лучшим образом раскрывала его действительную позицию, очищенную от всяких дипломатических ухищрений: «Мы переживаем время не парламентов, а твердой власти». Можно догадываться, какие чувства испытывал И.А. Якушев, читая эти слова. Ведь они были как раз тем самым «последним гвоздем», который вбивали в крышку гроба, в котором намеревались похоронить Сибирскую областную думу!

Заканчивалось письмо довольно странно. Гришин объяснил, что он счел своим долгом поделиться своим мнением с председателем думы как «с человеком, могущим предотвратить неминуемую опасность». Конечно, И.А. Якушев сгоряча мог принять эти слова за комплимент. Но по трезвому размышлению он должен был понять, что в действительности они были ничем иным, как скрытой формой приказа не допустить созыва думы. Другими словами, Гришин предложил И.В.Якушеву самому забить тот самый «последний гвоздь».

В постскриптуме Гришин предоставил И.А. Якушеву возможность распорядиться его письмом по собственному усмотрению, вплоть до публикации в открытой печати. Копии же с него генерал решил сам разослать некоторым общественным деятелям без права

оглашения¹³³. Совершенно точно, что в числе этих избранных оказался П.В. Вологодский¹³⁴.

Письмо Гришина И.А. Якушеву интересно еще в двух отношениях. Во-первых, генерал, дважды обращаясь к председателю Сибирской областной думы по имени отчеству, оба раза называл Ивана Александровича Иваном Яковлевичем. В то, что глава военного ведомства не знал имени-отчества председателя думы, верится с трудом. Если же забыл он его или засомневался, то мог быстро выяснить. Во-вторых, свое письмо Гришин сначала хотел удостоверить подписью «Глубоко уважающий Вас», но затем зачеркнул первое слово и заменил его на «Искренно уважающий Вас».

И.А. Якушев не замедлил с ответом. 30 июля он отправил Гришину записку личного характера. Председатель думы написал, что вполне понимает те чувства, которые руководили Алексеем Николаевичем при написании письма, но считает, что «в основе лежит неверная предпосылка: дума пойдет на конфликт с правительством». И.А. Якушев сообщил, что он такого мнения не разделяет, однако лишен возможности его обосновать. Он выразил надежду, что в ближайшее время приедет в Омск и будет иметь честь лично обсудить этот вопрос с генералом¹³⁵.

Что касается текста письма Гришина, то оно ни полностью, ни в изложении в печати не появилось. Такое поведение И.А. Якушева вполне понятно. Публикация письма Гришина явилась бы дополнительным аргументом для противников созыва думы, поэтому И.А. Якушев не стал его обнародовать. Не решился предать свое письмо гласности и сам Гришин. Его появление в печати позволило бы генералу заработать дополнительные очки у «правых» кругов и государственныхников. Но в таком случае Гришин вступал бы в противоречие с большинством Совета министра и самим П.В. Вологодским, считавшими тогда, что Сибирская областная дума должна быть сохранена и использована в интересах сибирского областничества и укрепления государственной власти.

Не известно, встречался в начале августа 1918 г. И.А. Якушев с Гришиным или нет. Скорее всего, что не встречался. Основанием такого вывода является тот факт, что 3 августа на заседании Совета ми-

---

¹³³ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, лл. 88–89

¹³⁴ ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 4, л. 3.

¹³⁵ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 90.

нистров управляющий военным ведомством заявил протест против представительства армии в Сибирской областной думе¹³⁶.

Действительно, в конце 1917 — начале 1918 г. в находившихся на фронте и в тылу сибирских частях русской армии были произведены выборы депутатов во Временную Сибирскую областную думу. К августу 1918 г. мандатная комиссия думы зарегистрировала в качестве ее полноправных членов 11 офицеров и военных чиновников¹³⁷.

Вполне возможно, что протест А.Н. Гришина-Алмазова был спровоцирован обращением к нему со специальным письмом депутата подпоручика П.Я. Обухова, проинформировавшего командующего армией о создании комиссии по военным делам при частном совещании думы, а также попросившим А.Н. Гришина-Алмазова дать для комиссии «некоторые справки и информацию по военному ведомству»¹³⁸. В случае, если обеспокоенность Гришина была вызвана двумя названными фактами, И.А. Якушев легко бы все разъяснил генералу.

Указом Совета министров от 7 августа возобновление работы Сибирской областной думы было назначено на 15 августа. Планировалось, что почти все министры и управляющие ведомствами выедут в Томск на специальном поезде в ночь на 11 августа¹³⁹. Исключение было сделано только для двух человек: министра снабжения И.И. Серебренникова, остававшегося «на хозяйстве» в Омске, и министра финансов И.А. Михайлова, находившегося в командировке в Челябинске и Екатеринбурге. Однако Гришин не явился в Томск в назначенное время.

Вместо поездки в Томск он днем 11 августа принимал парад войск Омского гарнизона в честь как писала одна газета, «начавшегося восстановления мощи России»¹⁴⁰. В качестве предлога для организации парада было использовано за день до этого подписанное по инициативе самого Гришина обращение Временного Сибирского правительства к союзным державам, которое начиналось словами «Россия воскресает» и завершалась обязательством принять участие вместе с союзными державами в войне против Германии¹⁴¹. Возникла непредвиденная ситуация, безусловно имевшая политическую подклад-

---

¹³⁶ Временное Сибирское правительство. С. 241–242.

¹³⁷ См.: ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 45, лл. 3, 6, 9, 14, 26, 39, 54, 56, 87, 107–109

¹³⁸ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, л. 18.

¹³⁹ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. 24 августа. № 7. Ст. 64. С. 2; Временное Сибирское правительство. С. 258, 262.

¹⁴⁰ Заря (Омск). 1918. 13 августа.

¹⁴¹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 11, л. 5; Сибирский вестник. 1918. 24 августа.

ку: управляющий военным ведомством и командующий Сибирской армией игнорировал Временную Сибирскую областную думу и тем самым не выполнял постановление Совета министров.

Более того, оказывается, что Гришин отправил в Томск телеграмму, в которой командующий армией заявил о своей готовности применить находящуюся в его подчинении вооруженную силу с целью обеспечить безопасность Временного Сибирского правительства в случае, если бы дума попыталась на почве недовольства Советом министров произвести его замену другим правительством¹⁴².

На состоявшемся 13 августа в Томске заседании Совета министров министр юстиции Г.Б. Патушинский сделал заявление о необходимости присутствия управляющего военным министерством на открытии думы. Совет министров принял соответствующее постановление. В 18 часов того же дня Гришину была направлена телеграмма за подписью П.В. Вологодского, в которой говорилось: «Сибирское правительство считает Ваше присутствие [на] открытии областной думы необходимым». Получивший ее на следующий день глава военного ведомства продолжал упорствовать. На бланке телеграммы имеется его помета такого содержания: «Запросить, нельзя ли не ездить?»¹⁴³.

Пятнадцатого сентября около 11 часов в Томске в кафедральном соборе состоялось молебствие, затем — парад войск гарнизона, выступления председателя Совета министров П.В. Вологодского и представителя Чехословацкого корпуса доктора И.И. Глосса. Примерно в половине второго часа дня в библиотеке Томского университета состоялось торжественное открытие заседания Сибирской областной думы. Гришин на открытие так и не явился. В это время он находился в Новониколаевске, всего в нескольких часах езды. Вечером председатель думы И.А. Якушев и управляющий делами Совета министров Г.К. Гинс направили ему телеграммы. И.А. Якушев от имени думы приветствовал в лице Гришина Сибирскую армию, а Г.К. Гинс проинформировал его о том, что и как происходило в Томске¹⁴⁴.

Не исключено, что Алексей Николаевич пожалел о том, что проигнорировал событие, на котором мог быть в числе самых почетных гостей и первым героем. Только ближе к середине следующего дня он приехал в Томск. Есть сведения, что его сопровождал внушительный вооруженный отряд. Примерно в обеденное время генерал появился в

---

¹⁴² Вологодский П.В. Указ. соч. С. 72.

¹⁴³ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 43, л. 1; Временное Сибирское правительство. С. 276.

¹⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 2, л. 123; РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, л. 21; д.43, л. 5.

правительственной ложе думы. В стенограмме заседания после слов председателя заседания, объявившего о прибытии Гришина, записано следующее: «Бурные рукоплескания. Члены думы и гости встают, долго и шумно приветствуют командующего армией».

Речь Гришина была непродолжительной, но нетривиальной, смелой и достаточно убедительной. Напряженное молчание, которое воцарилось в зале, свидетельствовало о том, что генерал сразу же смог овладеть непростой аудиторией. «Слово мое будет кратко, — начал он, — и я Вас прошу к нему отнестись с должной серьезностью. Я в этом не сомневаюсь, потому что каждое слово в нем будет пропитано кровью, потому что голос мой отсюда прозвучит по полям битвы, и к нему и к вашему ответному голосу прислушаются те, которые жертвуют за ваше благополучие, которые жертвуют для нашей Родины своей жизнью».

Затем генерал повторил то, что от него уже многократно слышали: единственным средством спасения России является сильная армия. Сидевшие в зале депутаты думы и публика восприняли это утверждение абсолютно спокойно, поскольку ничего иного от профессионального военного услышать не ожидали.

Шумными аплодисментами, которые сопровождались криками «Браво!», взорвался зал, когда Гришин, сказал, что «армия должна быть создана на основах полной воинской дисциплины».

Дальше Гришин озвучил то, к чему он сам, судя по всему, уже давно пришел, но что публично никогда не говорил: «Вне благоприятной политической обстановки армия, та [армия], о которой мечтаю я, о которой мечтают все офицеры, о которой мечтает вся Россия, — создана быть не может». И он обратился к депутатам с просьбой создать такую политическую обстановку.

Но это было только начало. «Прежде всего и необходимее всего, — заявил Гришин, — это создание твердой власти». «За созданием этой твердой власти я от имени армии к Вам и обращаюсь», — подытожил генерал.

Наверно, наибольшего градуса обстановка в зале достигла тогда, когда Гришин произнес такие слова: «Быть может, мне зададут вопрос, почему же я ни словом не обмолвился о народоправстве?». И тотчас же дал ответ на им самим поставленный вопрос: «Я сделал это вполне сознательно».

Судя по всему, значительная часть депутатов и публики в этот момент пережила шоковое состояние, выйти из которого им помогло следующее откровение генерала: «[...] В настоящее время идея народоправства, полностью выявленная, впредь до полного успо-

коения России и Сибири является средством неприемлемым, средством слишком сильным, средством, которое может расшатать организм большой России».

Стенографисты зафиксировали такую реакцию зала: «Рукоплекскания членов думы, движение и громкие аплодисменты в публике». Редакторы Сибирского телеграфного агентства несколько иначе оценили восприятие речи Гришина думцами и публикой: «Бурные аплодисменты на всех скамьях за исключением крайней левой»¹⁴⁵.

Никто из присутствовавших в зале заседаний думы не знал, насколько самостоятельно Гришин пришел к тем выводам, которые он донес до слушателей, и в какой мере они были подсказаны многочисленными советчиками, которые досаждали генералу своими проектами по устройству и переустройству Сибири и России. Гораздо важнее было другое: нужные слова генерал публично произнес, их услышали его политические союзники и противники, они стали заветной целью для первых, вражеской мишенью — для вторых.

Так, фракция областников в Сибирской областной думе пригласила его на свое собрание, на котором Алексей Николаевич поделился своими политическими взглядами¹⁴⁶. Газета «Сибирская речь», являвшаяся рупором омских кадетов, 21 августа, по свежим следам, назвала выступление Гришина «замечательной речью». И далее она разъяснила своим читателям, почему так оценила это выступление: «Он сказал именно то, что должен был сказать военный министр».

Иначеотреагировал на выступление Гришина секретария Сибирской областной думы. В направленной Самарскому Комучу телеграмме он сообщил: «Овации думы в честь армии были единодушны, но речь командующего, в которой он говорил о неприменимости пока начал народоправства, [была] встречена сдержано»¹⁴⁷.

Примерно такой же, точнее — даже очень сдержанной, была реакция на речь Гришина его коллег по Совету министров: В.М. Крутовского, Б.Г. Патушинского и М.Б. Шатилова. П.В. Вологодский, которого во время пребывания в Томске эсеры усиленно настраивали против генерала, тоже стал смотреть на Гришина с подозрением.

---

¹⁴⁵ Заря (Омск). 1918. 21 августа; Сибирский вестник. 1918. 21 августа; Сибирская жизнь (Томск). 1918. 22 августа; Временная Сибирская областная дума. Стенографический отчет. 2-я сессия. Заседание 2-е. Томск, 1918.

¹⁴⁶ Голос народа (Томск). 1918. 21 августа.

¹⁴⁷ Сибирский вестник. 1918. 30 августа.

* * *

В письме Гришина от 23 июля 1918 г., адресованном А.В. Адрианову и выдержанном в доверительных тонах, есть такие слова: «Труден мой путь создания дисциплинированной армии; мало, до трагизма мало помощников, а врагов я не боюсь»¹⁴⁸.

Думается, мотив о «врагах» возник в письме далеко не случайно. Гришин был очень честолюбивый и властный человек, далеко не всегда стеснявшийся в выборе средств для достижения поставленных целей. Он безжалостно боролся против любого, кто хоть в малейшей степени вторгался в сферу его компетенции, как-то мог помешать карьере или делу, за которое он взялся.

Показательно хотя бы дальнейшее развитие их взаимоотношений с ранее называвшимся полковником Н.Н. Сумароковым, которого летом 1918 г. Гришин, видимо, не выпускал из поля своего зрения. Несомненно, что командующий армией и глава военного ведомства откровенно препятствовал продвижению Н.Н. Сумарокова по службе. Во всяком случае, в ходе реорганизации управления войсками 13 июня 1918 г. он назначил Н.Н. Сумарокова всего лишь инспектором артиллерии Средне-Сибирского корпуса, тогда как младший по званию подполковник П.А. Бобрик получил должность инспектора артиллерии Сибирской армии¹⁴⁹. Можно предположить, что Н.Н. Сумарокову аукнулось его нежелание весной 1918 г. войти в подчинение Гришина, тогда как П.А. Бобрику зачли в «плюс» непродолжительное сотрудничество с А.А. Краковецким в начале 1918 г. в Киеве.

Недовольный таким развитием событий Н.Н. Сумароков обратился с письмом к Гришину, напомнив о своих недавних заслугах в борьбе с большевиками, и попросил у него «живого боевого дела». 20 июня Гришин ответил Сумарокову письмом, выдержанным в исключительно товарищеском тоне. Он указал полковнику на то, что в столь тяжелый для возрождающейся русской армии момент каждый должен «работать в той области, в которой он может принести наибольшую пользу». «Я считаю, — продолжал Гришин, — что Вы своим знанием и боевым опытом в артиллерийском деле крайне необходимы для армии как инспектор артиллерии корпуса». Гришин выразил уверенность в том, что Н.Н. Сумароков сможет «вдохнуть в молодую артиллерию Средне-Сибирского корпуса истинно боевой артиллерийский дух, заключающийся, прежде всего, в том, что артиллерия должна соперничать в храбрости с пехотой и быть ее другом и братом».

---

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 93.

¹⁴⁹ Временное Сибирское правительство. С. 64.

Письмо Гришина заканчивалось обещанием в дальнейшем пойти на встречу пожеланиям Н.Н. Сумарокова «в смысле перемены места службы»¹⁵⁰.

Действительно, новое назначение не заставило себя долго ждать. Приказом Гришина от 14 июля 1918 г. Н.Н. Сумароков был назначен членом военно-химической комиссии военного ведомства¹⁵¹, что было откровенным отрешением от престижных командно-штабных должностей. Прямых сведений о том, чем руководствовался Гришин, принимая такое решение, нет. Косвенные же данные свидетельствуют о том, что в качестве предлога было использовано поведение Н.Н. Сумарокова, продолжавшего публично афишировать свои монархические предпочтения. Гришин, однако, преследовал Н.Н. Сумарокова, скорее всего, не за монархические взгляды, а по мотивам исключительно личного характера. Оскорбленный Н.Н. Сумароков не задержался с ответом, отправив полковнику Гришину телеграмму, выдержанную в исключительно жестком тоне: «Для химических экспериментов я устарел. После Вашего письма назначение Ваше считаю насмешкой и от службы с Вами себя совершенно свободным»¹⁵². 24 июля из Томска Н.Н. Сумароков отправил главе Совета министров П.В. Вологодскому письмо, полное обид на Гришина¹⁵³.

Еще более жесткую борьбу Гришин вел с Н.В. Фоминым. Н.В. Фомин, получивший 14 июня должность уполномоченного Западно-Сибирского комиссариата, отправился из Омска к передовым частям Сибирской армии, действовавшим в восточном направлении. По мере продвижения на восток он создавал, утверждал и инструктировал местные комиссариаты, восстанавливал органы земского и городского самоуправления, вел большую разъяснительную работу среди населения, особенно в кооперативных кругах. Деятельность Н.В. Фомина была настолько продуктивной и полезной, что 3 июля 1918 г. Совет министров назначил его своим уполномоченным на Восточном фронте¹⁵⁴. 16 июля П.Я. Михайлов, ставший к тому времени товарищем министра внутренних дел Временного Сибирского правительства, находившийся в Иркутске с особой миссией и непосредственно наблюдавший работу Н.В. Фомина, по поручению правительства выразил

---

¹⁵⁰ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, лл. 24–25, 36.

¹⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 41, л. 12.

¹⁵² ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 31, л. 24.

¹⁵³ ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 5, лл. 97–98.

¹⁵⁴ Заря (Омск). 1918. 27 июня; Нижнеудинские бюллетени. 1918. 4 июля; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 108–109, 115, 119–121, 125–126, 150; Временное Сибирское правительство. С. 113–114.

ему «глубокую благодарность» за его деятельность в качестве уполномоченного¹⁵⁵.

Иначе оценивал результаты работы Н.В. Фомина Гришин. В советах и рекомендациях, которые Нил Валерианович давал омским деятелям, исходя из реального знания местной обстановке, тот видел в основном некомпетентные суждения дилетанта и покушение на его власть, а реагировал на них эмоционально и крайне предвзято. Так, 18 июня — как можно предположить, после встречи в Новониколаевске с руководством «Закупсбыта» — Н.В. Фомин телеграфировал Западно-Сибирскому комиссариату и Гришину: «Считаю безусловно необходимым привлечение деятелей кооперации к руководству военным снабжением округа». На бланке этой телеграммы Гришин написал для членов Западно-Сибирского комиссариата такую резолюцию: «Гражд[анин] Фомин не оставляет меня советами даже в области оперативной; [о том,] насколько это допустимо, предоставляю судить Вам»¹⁵⁶.

Ненависть Гришина к Н.В. Фомину, успешно работавшему в качестве уполномоченного Временного Сибирского правительства на вновь освобождаемой от большевиков территории, где он наладил хорошие взаимоотношения с командованием Средне-Сибирского корпуса, командным составом частей Чехословацкого корпуса и дипломатическими представителями союзников, зашла настолько далеко, что он не считал нужным ее скрывать. Так, в записке от 7 июля 1918 г., адресованной товарищу министра внутренних дел П.Я. Михайлову, являвшемуся однопартийцем Н.В. Фомина, Гришин писал: «[...] Посланный туда Фомин совершенно для этого негоден»¹⁵⁷. Еще более откровенно 23 июля Гришин высказался в письме к редактору томской газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианову: «[...] Фомин — мой личный враг»¹⁵⁸.

В конце июля 1918 г. Гришин довольно жестко повел себя с эсерами-«воленародовцами», с которыми его свел видный омский кооператор и один из лидеров этой группы «оборонцев» В.В. Куликов. Сам В.В. Куликов считал «воленародовцев» «благоразумными эсерами». Алексей Николаевич, однако, по свидетельству В.В. Куликова,

---

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 195, л. 189; Временное Сибирское правительство. С. 113–114.

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 6, л. 225; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 115, 219.

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 1.

¹⁵⁸ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 93.

«прямо заявил, что он политики эсеров не признает, считает ее гибельной и никогда не сможет согласиться с ней»¹⁵⁹.

Последнее вкупе с прекращением контактов с П.Я. Михайловым, олицетворявшим «левый» флаг и «центр» сибирских эсеров, означало полный разрыв с партией эсеров. Для верного партийной дисциплине министра туземных дел М.Б. Шатилова Гришин превратился в политического врага.

Не складывались отношения у Гришина с министром юстиции Г.Б. Патушинским. Григорий Борисович был очень амбициозным человеком с крайне неуравновешенным характером. К нему был нужен индивидуальный подход, а генерал был слишком прямолинеен и резок. Так, Гришин вместе с И.А. Михайловым выступил против командировки Г.Б. Патушинского сначала на восток для ведения переговоров с генералом Д.Л. Хорватом и Временным правительством автономной Сибири П.Я. Дербера — И.А. Лаврова, потом — на государственное совещание в Уфу¹⁶⁰. Доходило до смешного: накануне заседания правительства Г.К. Гинс писал Алексею Николаевичу записки, в которых уговаривал его нанести визит Г.Б. Патушинскому «в видах облегчения прохождения некоторых актов в засед[ании] Совета [министров]»¹⁶¹.

Серьезное напряжение в августе 1918 г. возникло у Гришина с товарищем министра иностранных дел М.П. Головачевым. На первом челябинском совещании они солидарно выступали против делегации Самарского Комуча. Но Гришин был недоволен тем, что ведомство иностранных дел не занимает жесткой позиции по германскому вопросу. К тому же амбициозному Гришину хотелось, чтобы о Сибирской армии, которой он командовал, знал весь мир, по крайней мере — мир военный. А М.П. Головачев для этого ничего не делал. Алексей Николаевич настаивал и добился того, что Совет министров 10 августа принял обращение к союзным державам. В этом документе без всяких на то оснований утверждалось, что приближается тот день, когда «Сибирская армия вместе с другими братскими и союзными силами встанет в ряды борцов на новом Русско-Германском фронте»¹⁶².

Пикантность ситуации заключалась в том, что Гришин вторгся в сферу международных отношений, которую курировал сам П.В. Вологодский, а непосредственная ответственность лежала на М.П. Голова-

---

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 4, л. 6.

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 3, л. 3; Вологодский П.В. Указ соч. С. 76.

¹⁶¹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 47, л. 17.

¹⁶² Сибирский вестник. 1918. 24 августа; Временное Сибирское правительство. С. 275.

чеве. Именно М.П. Головачев по указанию Совета министров вынужден был готовить проект обращения к союзным державам. Однако под опубликованным документом его подписи не оказалось, тогда как фамилия Гришина значилась. Это был удар по самолюбию молодого дипломата, на который он не мог не ответить своему обидчику. Для этого у М.П. Головачева имелись большие возможности, если принять во внимание, что Мстислав Петрович жил на квартире П.В. Вологодского и был одним из его любимчиков.

Некоторых управляющих ведомствами Временного Сибирского правительства и общественных деятелей очень беспокоили властный тон Гришина, его манера говорить коротко властно, резко, категорично¹⁶³. Эти гражданские люди не учитывали того, что Гришин был профессиональным военным, и такая манера поведения во многом являлась следствием его ролевой функции: в прошлом — офицера-артиллериста, в настоящем — командующего армией.

Правда, случалось, что для подкрепления своих аргументов Гришин прибавлял, что за ним стоит реальная сила: возглавляемая им армия. Такими необдуманными заявлениями генерал давал повод некоторым гражданским политикам подозревать его в намерениях установить военную диктатуру, может быть — даже собственную¹⁶⁴.

Гришин оказался очень полезным в составе делегаций Временного Сибирского правительства, которые вели переговоры с Самарским Комучем и Временным областным правительством Урала. Он прекрасно выполнил отведенную ему «силовую функцию». Однако сам по себе генерал был плохим дипломатом, и в ситуациях, когда нужно было проявить гибкость, он зачастую действовал прямолинейно и грубо.

Весьма показателен случай, когда 27 июля Совет министров поручил ему выяснить, чем руководствовался чехословацкий полковник Р. Гайда, вводя военное положение на линии железной дороги от станции Барабинск до станции Красноярск и осадное — от станции Красноярск на восток, а также принять меры к устранению этого неправомерного распоряжения. Гришин не нашел ничего лучшего, как дать Р. Гайде жесткую телеграмму: «Требую¹⁶⁵ немедленно сообщить, на каком основании Вы отменяете законы Временного Сибирского

---

¹⁶³ ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 2, л. 12.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 3, л. 3.

¹⁶⁵ В машинописном варианте телеграммы слово «требую» было кем-то вычеркнуто.

правительства, вмешиваясь во внутреннюю жизнь страны»¹⁶⁶. Р. Гайду такой тон обидел. В результате их отношения были испорчены¹⁶⁷.

Разрыв связей с эсерами Гришин компенсировал установлением контактов с группами и отдельными общественными деятелями, представлявшим «центр» и «правую» часть сибирского политического спектра. Причем в этом вопросе наблюдалось встречное движение. Так, после возвращения с первого челябинского совещания генерал выразил желание встретиться с руководством проходившего в это время в Омске съезда представителей торговли, промышленности и домовладения Сибири и Урала. Такая встреча состоялась. На ней Алексей Николаевич попросил дать ему возможность выступить на пленарном заседании съезда. Трибуна съезда генералу была предоставлена. В своем выступлении Гришин сообщил, что в Самаре вся власть находится в руках эсеров-черновцев, что Комуч намеревается через Сибирскую областную думу распространить свое влияние на Сибирь, говорил о вреде сепаратизма, о необходимости единой русской армии для создания великой России.

Когда же Гришина ознакомили с проектом политической резолюции съезда, в которой говорилось о необходимости передачи власти до завершения гражданской войны и выборов нового Учредительного собрания «особому органу с неограниченными диктаторскими полномочиями», он заявил, что «с резолюцией совершенно согласен»¹⁶⁸.

В конце июля — августе 1918 г. значительно расширились и упорочились связи Гришина с омским отделением Союза освобождения России и местным кадетами. Кадеты прислали генералу для ознакомления резолюции, которые приняла сибирская конференция партии народной свободы. Гришин, в свою очередь, протезировал одному из организаторов омского отделения «освобожденцев», товарищу председателя центрального военно-промышленного комитета Д.С. Каргалову. Он добивался от управляющего министерством торговли и промышленности П.П. Гудкова его приглашения на должность товарища министра. Свою просьбу о назначении Д.С. Каргалова генерал мотивировал так: «В интересах нашего общего дела было бы крайне жела-

---

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 31, л. 12; Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918 гг.). / Сост. В. Максаков и А. Турунов. [М.,] 1926. С. 221–222; Временное Сибирское правительство. С. 202.

¹⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 6, л. 15.

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 4, л. 48; ЦДООСО. Ф. 41, оп. 1, д. 119, л. 7; Сибирская речь. 1918. 21 июля.

тельно, чтобы его возможно скорее утвердили, ибо он в своих поездках будет исполнять и некоторые чисто политические функции»¹⁶⁹.

Одновременно Гришин через своих доверенных лиц устанавливал собственные связи с руководителями контрреволюции как на западе, так и на востоке. В середине августа 1918 г. по его указанию полковник М.И. Замятин выезжал в Оренбург для политического зондажа атамана А.И. Дутова и правительства Оренбургского казачьего войска. 31 августа генерал приказал М.И. Замятину отправиться в Челябинск и Оренбург «для выполнения особых поручений», данных ему лично Гришиным¹⁷⁰.

Одновременно Гришин затеял небезопасную для него игру на востоке. Каким-то образом он познакомился с подпоручиком Н.С. Калашниковым. До первой русской революции Николай Сергеевич был слесарем Красноярских железнодорожных мастерских, в 1905 г. вступил в партию эсером. В 1905–1908 гг. участвовал в террористической деятельности, многократно подвергался арестам, совершал побег из заключения. Одно время жил во Франции и учился в *Colleque de France*, по возвращению в Россию продолжил обучение в университете Шанявского, работал на московских заводах. Во время Мировой войны призван в армию, после учебной команды был направлен военное училище, из которого в 1916 г. вышел прапорщиком. После Февральской революции служил в Иркутском военном округе, участвовал в восстании юнкеров против советов декабре 1917 г. Во время советской власти возглавлял вооруженное подполье эсеров в Иркутске, входил в состав Восточно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. После свержения советов был назначен помощником командующего Восточно-Сибирского военного округа. В отличие от большинства своих товарищей по партии он был ярким сторонником сильной армии и твердой государственной власти. Обладая организаторскими способностями, исключительной активностью, был заговорщиком по натуре. Находясь в начале августа 1918 г. в Омске, познакомился с Гришиным. Генерал и подпоручик быстро нашли общий язык. В результате 11 августа Н.С. Калашников получил от Гришина поручение вести от его имени переговоры с генералом Д.Л. Хорватом¹⁷¹.

Свое вступление в переговоры с А.И. Дутовым и Д.Л. Хорватом Гришин мотивировал принципиально новой идеологией, суть кото-

---

¹⁶⁹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 47, л. 12.

¹⁷⁰ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 11, лл. 6–8; д.47, л. 20.

¹⁷¹ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 30, л. 3.

рой он коротко сформулировал в одной из шифрованных телеграмм Н.С. Калашникову: «[...] Надо считаться с лицами, а не с правительствами»¹⁷².

Последнее, однако, не означало, что Гришин недооценивал или выпустил из поля своего зрения вопросы, относившиеся к организации и деятельности правительственных структур. Напротив, он отслеживал ход и итоги второго челябинского совещания, которое его организаторам удалось провести только 20–25 августа, придав ему статус предварительного государственного совещания. Его участники смогли договориться по ограниченному кругу проблем: о месте и времени проведения государственного совещания, составе участников и регламенте работы. Государственное совещание было решено провести в Уфе, открыв его 5 сентября.

Временное Сибирское правительство достаточно серьезно готовилось к участию в этом совещании. 27 августа оно утвердило состав правительственной делегации, которую должны были составить три министра: В.М. Крутовский, А.И. Михайлов и Г.Б. Патушинский, — а также Гришин. 29 и 30 сентября Совет министров обсудил вопрос об инструкции сибирской делегации на Уфимское совещание. Гришин выступил в ходе его обсуждения. Свои главные предложения он сформулировал так: «Создать твердую беспартийную власть в виде директории. Эта директория должна быть обеспечена всей полнотой власти впредь до созыва второго Всероссийского Учредительного собрания».

Предложения Гришина были полностью включены в принятую инструкцию. Но Г.Б. Патушинский высказал относительно ее содержания свое особое мнение и заявил об отказе от участия в правительственной делегации. В результате обстановка в правительстве, глава которого П.В. Вологодский накануне отбыл в двухмесячный отпуск, а министр внутренних дел В.М. Крутовский после поездки в Томск на открытие думы в Омск не приехал, обострилась¹⁷³.

Дополнительное напряжение в правительстве возникло из-за того, что в это время части Сибирской армии и Чехословацкого корпуса, действовавшие в восточном направлении, в районе станции Оловянная соединились с войсками есаула Г.М. Семенова, оперировавшего в Забайкалье. Тем самым, актуализировался вопрос об отношении к Временному правительству автономной Сибири и Д.Л. Хорвату. Для

---

¹⁷² РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 30, л. 18.

¹⁷³ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 11, л. 1; Временное Сибирское правительство. С. 301–302, 309–311, 313–314.

переговоров с ними требовалось направить, как минимум, одного из министров¹⁷⁴. 2 сентября Гришин и А.И. Михайлов телеграфировали в Уфу, что из-за событий на востоке сибирская правительственная делегация сможет выехать на Государственное совещание только 5 сентября¹⁷⁵.

Накануне предполагаемого отъезда в Уфу Гришин проявил очередную инициативу. 4 сентября он посетил проходивший в Омске 3-й Всесибирский кооперативный съезд. Генерал был встречен делегатами бурными аплодисментами. В отличие от Г.Б. Патушинского, который официально приветствовал съезд от имени правительства и отдал должное истории кооперации, Алексей Николаевич коротко повторил свою мысль о необходимости для создания крепкой и сильной армии соответствующей политико-экономической обстановки в настоящем.

«И это ваша задача, — продолжил генерал, — задача кооперации как крупной общественной силы». «Создайте же нужную для успешной деятельности армии обстановку, — призвал руководителей кооперации Алексей Николаевич, — и я вам ручаюсь, что дело восстановления государственности в России пойдет быстрым темпом». Комментируя это выступление Гришина, кадетская газета «Сибирская речь» оптимистично писала: «Будем думать, что уверенность ген[ерала] Гришина-Алмазова не окажется напрасной»¹⁷⁶.

Однако уже вечером того же дня по Омску разнесся слух о том, что Гришину предъявлены претензии в непочтительном отношении к союзникам и чехословакам. Этот слух отразил начало кризиса Временного Сибирского правительства, приведшего к лишению Гришина обоих постов и устранению от власти.

* * *

За три с небольшим месяца, с конца мая до начала сентября 1918 г., в течение которых Гришин был во главе вооруженных сил сибирской контрреволюции, его политические взгляды, позиции и поведение претерпели существенную трансформацию. Он быстро прошел путь от служения эсеровскому народоправству до признания военной диктатуры в качестве неременного условия восстановления прочной российской государственности. Причем в качестве некоторого парадокса можно отметить тот факт, что на начальном этапе своей

---

¹⁷⁴ Временное Сибирское правительство. С. 318–319.

¹⁷⁵ РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 43, л. 18.

¹⁷⁶ Сибирская речь. 1918. 6 сентября.

деятельности он проявлял бóльшую лояльность властям, чем в последний месяц.

Стремительная эволюция политических взглядов и поведения Гришина объясняется многими причинами как внутреннего, так и внешнего порядка.

Судя по всему, решающую роль в этом процессе сыграли факторы внешнего порядка, имевшие объективный характер. Главным из них являлось, конечно, состояние контрреволюционного лагеря.

Можно утверждать, что дрейф Гришина «вправо» отразил главный вектор развития сил контрреволюции в Сибири того времени. Но темпы этого дрейфа были иными, чем у большинства других лидеров антибольшевизма. Гришин проделал отмеченную эволюцию быстрее, а формы выражения его взглядов отличались большей определенностью и степенью радикализма. В данном случае, безусловно, сказались как молодость и амбициозность Гришина, так и его принадлежность к военной среде. Будучи представителем офицерского корпуса и являясь единоличным руководителем вооруженным сил Временного Сибирского правительства, он раньше других политиков осознал необходимость адаптации государственного устройства контрреволюции применительно к объективным условиям углублявшейся и расширявшейся свои масштабы гражданской войны.